E 73/28

1871

О 73.
28.

О НѢМЕЦКОМЪ ПРАВѢ

ВЪ ПОЛЬШѢ И ЛИТВѢ,

Г. ВЛАДИМІРСКАГО-БУДАНОВА.

Разборъ Ад. Павинскаго,

удостоенный золотой Уваровской медали.

САНКТПЕТЕРБУРГЪ.

ТИПОГРАФІЯ ИМПЕРАТОРСКОЙ АКАДЕМІИ НАУКЪ.

(ВАС. ОСТР., 9 ЛИН. № 12.)

1871.

2007110068

Напечатано по распоряженію Императорской Академіи Наукъ.
С.-Петербургъ, Февраль 1871 г.

Непремѣнный Секретарь, Академикъ К. Весселовскій.

РАЗБОРЪ

СОЧИНЕНІЯ М. ВЛАДИМІРСКАГО-БУДАНОВА

ПОДЪ ЗАГЛАВІЕМЪ

«Нѣмецкое право въ Польшѣ и Литвѣ», Спб. 1868 г.

Составленъ доцентомъ Имп. Варшавскаго Универ. Ад. Ив. Павинскимъ.

Какъ ни богата польская литература историческими изслѣдованіями и монографіями, представляющими политическое устройство Польскаго государства, однако нельзя не замѣтить въ ней односторонности: односторонность эта встрѣчается впрочемъ и въ другихъ литературахъ, относительно извѣстныхъ предметовъ, разработываемыхъ съ особенною любовью, слѣдовательно съ большею подробностью и систематичностью. Поневолѣ дѣти пристрастно разсматриваютъ свѣтлыя дѣянія своихъ предковъ, отвращая глаза отъ тусклыхъ сторонъ прошедшихъ явленій и оставляя въ тѣни то, что больно напоминаетъ погрѣшности минувшихъ дней. Жизнь всегда и вездѣ влечетъ къ себѣ непреодолимою силою. Преобладающій въ государственномъ развитіи элементъ оставляетъ и въ литературѣ слѣды своего вліянія и вытискиваетъ на ней свое клеймо. И въ Римской исторіографіи вниманіе поглощено исторіею самого Рима или господствующаго въ немъ сословія, и иностранецъ Полибій подчиняется тому же направленію. Процвѣтаніе итальянскихъ городовъ вызвало, съ исхода XVII столѣтія, со времени оживленія историографической дѣятельности, обильную литературу... Народное

БИБЛІОТЕКА

тщеславіе играетъ, безъ сомнѣнія, немаловажную роль и даетъ сильный толчокъ проявленію указанной нами односторонности, отъ которой не освободилась и польская литература. На картинѣ ея исторіографической дѣятельности рисуются рельефно выпуклыя стороны ея политической жизни — біографіи отдѣльныхъ замѣчательныхъ личностей, описаніе завоевательныхъ подвиговъ и подробное изложеніе тѣхъ формъ и учрежденій, въ которыхъ выразилась по преимуществу политическая жизнь господствующаго сословія. Городамъ въ Польскомъ государствѣ досталась на долю роль незначительная, отъ того и въ литературѣ они заняли самое скромное мѣсто.

Съ давнихъ временъ и въ настоящую пору каждый изслѣдователь, желающій вступить на невоздѣланную еще ниву для пополненія чувствительнаго пробѣла, встрѣчаетъ непреодолимыя препятствія. Укажемъ на одно обстоятельство, подавляющее всякое начинаніе въ самомъ зародышѣ — отсутствіе печатнаго матеріала, обусловливающаго собою успѣхи исторіографической дѣятельности. Такихъ сборниковъ, каковы собранія городскихъ правъ Генуи и пьемонтскихъ общинъ, изданныя Туринскою Академіею, судебные акты нѣмецкихъ городовъ цѣлыхъ странъ, кодексы отдѣльныхъ городовъ какъ напр. Штенцеля, Сборникъ документовъ, относящихся къ силезскимъ городамъ—въ польской литературѣ вовсе не существуетъ, за исключеніемъ незначительныхъ Сборниковъ Плоцкой земли Гаварецкаго, Виленскаго собранія (1843 г. въ 2 томахъ) и Вутке Познанской области, которые служатъ лишь для того, чтобы тѣмъ нагляднѣе показать, какъ мало сдѣлано до сихъ поръ и что еще остается сдѣлать. Оттого то и изслѣдованія по вопросу о значеніи городовъ въ Польскомъ государствѣ, вслѣдствіе неполноты, скудости матеріала, не представляютъ ничего цѣлаго, замкнутаго, никакого общаго обозрѣнія, которое бы ставило въ связь съ остальною частью политической жизни городовой бытъ и городовое устройство. Въ «Сборникѣ правъ, документовъ и замѣчаній», представленномъ въ 1789 г. отъ уполномоченныхъ городскаго сословія, мы встрѣчаемъ первую попытку изложенія въ общихъ чертахъ правъ и преимуществъ, которыми пользовались города съ давнихъ временъ. Уполномоченные, которые ходатайствовали предъ депутаціею о рѣшеніи въ пользу городскаго сословія вопроса, затронутаго въ то время на государственномъ сеймѣ, собрали прилежно доказательства для доставленія городамъ политическаго значенія, для возстановленія уничтоженной ихъ само-

стоятельности. Но упомянутый меморіалъ — болѣе сухой перечень разныхъ правъ, которыми пользовалось городское сословіе, чѣмъ изложеніе историческаго развитія. Суровецкаго «Замѣчанія объ упадкѣ городовъ и промышленности въ Польшѣ» вращаются въ кругу, хотя мѣткихъ, но общихъ мыслей;—громадный трудъ Балинскаго и Липинскаго, составленный въ родѣ географическаго словаря, открываетъ богатый источникъ географическихъ, статистическихъ и археологическихъ свѣдѣній, но относительно политической стороны ограничивается самыми незначительными указаніями; — Мехержинскій, въ своемъ лишенномъ критики сочиненіи «О магистратахъ въ древней Польшѣ», не выходитъ за предѣлы Кракова, впрочемъ скудное содержаніе не отвѣчаетъ широкому заглавію; — наконецъ и монографіи отдѣльныхъ городовъ ограничиваются описаніемъ нѣсколькихъ важнѣйшихъ мѣстностей, такъ что перечисливъ труды Жубржицкаго, Барончи, Лукашевскаго, Гаварецкаго, Голембіовскаго, Собѣщанскаго, Крашевскаго, Ябчинскаго, Вутке, мы назвали всѣ пособія, которыми пользоваться можетъ сочинитель, взявшійся писать о городахъ въ Польшѣ, объ ихъ устройствѣ, ихъ отношеніяхъ и мѣстѣ, которое они заняли въ государственномъ организмѣ. Нѣмецкая литература, неупускающая изъ виду своихъ народныхъ элементовъ, занесенныхъ въ чужія страны, посвятила свое вниманіе распространенію германскихъ началъ въ славянскихъ областяхъ, впрочемъ только одной части многосложнаго вопроса, именно водворенію германскаго общественнаго строя среди древне-славянскаго міра. Къ такимъ трудамъ принадлежатъ изслѣдованія Реппеля и отчасти мимоходныя замѣчанія, попадающіяся въ исторіи Польши, продолжаемой профессоромъ Каро. Русская литература не заходила на поле мало воздѣланное тѣми учеными, которыхъ оно по преимуществу должно было болѣе другихъ интересовать [1]).

Таковы трудности, таковы предварительныя работы. Первыя устрашаютъ своею громадностію — послѣднія не поощряютъ къ дальнѣйшимъ розысканіямъ своею незначительностью.

Въ такомъ положеніи нашелся г. Владимірскій-Будановъ, авторъ сочиненія подъ заглавіемъ: «Нѣмецкое право въ Польшѣ

---

[1]) Сочиненіе проф. И. Даниловича: Историческій взглядъ на древнее образованіе славянскихъ и преимущественно польскихъ городовъ до XIII столѣтія (см. Русскій Историческій Сборникъ, издав. Общ. Исторіи и Древн. Рос. Томъ IV (1841), стр. 153—299).

и Литвѣ». Въ такое отношеніе къ предварительнымъ трудамъ слѣдуетъ ставить утѣшительное явленіе въ исторической литературѣ, единственное въ русской, польской и нѣмецкой. Авторъ скромно, общими словами, намекаетъ въ предисловіи на трудности, которыя слѣдовало одолѣть, упоминая справедливо, какъ уже замѣчено, что въ русской литературѣ нѣтъ ни одного изслѣдованія ни вообще о нѣмецкомъ правѣ въ Польшѣ и Литовско-Русскомъ государствѣ, ни въ частности о городовомъ Магдебургскомъ правѣ въ этихъ двухъ странахъ. Въ польской же и нѣмецкой литературахъ господствуютъ не только разнообразныя, иногда прямо противоположныя другъ другу мнѣнія объ этомъ предметѣ, но и вообще не существуетъ полной монографіи, которая была бы въ состояніи дать общее понятіе по вопросу о городахъ и ихъ значеніи въ Польскомъ государствѣ.

Критикъ, справедливо оцѣняя трудъ г. Буданова, долженъ прежде всего заявить, что это—въ общихъ, обширныхъ размѣрахъ трудъ первый, единственный, который сводитъ въ одно цѣлое и незначительныя части, подготовленныя историческою дѣятельностью, и добываетъ изъ неизвѣстнаго еще матеріала новые результаты, которые подвигаютъ далеко впередъ многосложный вопросъ о городахъ. Критикъ долгомъ своимъ считаетъ заявить, что названнымъ трудомъ автора пролагается широкій путь къ дальнѣйшимъ розысканіямъ, что онъ послужитъ исходною точкою изслѣдованіямъ другихъ многоразличныхъ частей государственнаго права въ древне-польскомъ государствѣ.

Бѣдственное положеніе современныхъ городовъ юго-западнаго края, разстройство ихъ въ экономическомъ отношеніи, наводитъ автора на мысль отыскать причины такого явленія. Если до сихъ поръ бывшее процвѣтаніе приписывалось ихъ самоуправленію и свободному устройству, то, по убѣжденію автора, именно это муниципальное устройство, по Магдебургскому праву, сдѣлалось основною причиною упадка городовъ. Такъ какъ положеніе такое нельзя оправдать основательно, при помощи только актовъ городскаго управленія, относящихся къ XVII и XVIII столѣтіямъ, то авторъ взялся выяснить тѣсно связанный съ избраннымъ предметомъ вопросъ общій о городовомъ устройствѣ въ Польшѣ — его происхожденіи, развитіи — и установить точку зрѣнія, съ которой слѣдуетъ смотрѣть на устройство городовъ въ юго-западномъ краѣ. Трудъ его распадается слѣдовательно на двѣ части: общую и частную по вопросу объ упадкѣ городовъ юго-западной Руси, съ исхода XVII столѣтія.

Предварительная часть, интересная по множеству затронутыхъ вопросовъ, едва ли не покажется важнѣе собственно частной, если будемъ судить по объему—она вышла обширнѣе, составляя едвали не двѣ третьихъ частей цѣлаго [1]).

I.

Нѣмецкое право, введенное въ исходѣ XII столѣтія нѣмцами-переселенцами, мало по малу распространялось и между туземнымъ населеніемъ, не ограничиваясь переустройствомъ городовъ, но подчиняя своему вліянію и отношенія земледѣльческаго деревенскаго класса, такъ что подъ Магдебургскимъ или вообще нѣмецкимъ правомъ слѣдуетъ разумѣть не только право, опредѣляющее устройство вновь возникающихъ городовъ, но и отношенія деревень, переносимыхъ, какъ говорилось въ грамотахъ, изъ польскаго на нѣмецкое право. По разнымъ причинамъ, новыя отношенія по нѣмецкому праву стали распространяться такъ быстро, что уже въ XIV столѣтіи мы можемъ по актамъ перечислить длинный рядъ не только городовъ, но и деревень, которыя устроивались на нѣмецкій ладъ. Со второй половины XV вѣка кругъ дѣйствій нѣмецкаго права расширился такъ значительно, что обнялъ собою большую часть городскаго и сельскаго народонаселенія. Такой очевидный переломъ, вызванный вліяніемъ иностранныхъ отношеній, и измѣнившій древне-польскій, славянскій міръ, долженъ былъ сопровождаться многостороннимп послѣдствіями, соотвѣтственно различнымъ вліяніямъ иноземныхъ элементовъ. Г. Будановъ взялся выяснить только одну сторону этого вліянія — показать какъ нѣмецкое право дѣйствовало на такъ называемое государственное право и соціальный бытъ Польши и Литвы. Хотя всегда за авторомъ остается право выбора предмета, которому желаетъ онъ посвятить ближайшее свое вниманіе, и позволено разсматривать его съ той стороны, которая отвѣтствуетъ избранной цѣли, однакоже, по нашему мнѣнію, требовалось бы, хоть въ видѣ вступленія, въ общемъ очеркѣ познакомить читателя съ другою, самою ближайшею стороною. Если г. Будановъ рѣшился показать какія послѣдствія произошли отъ введенія и распространенія нѣмецкаго права въ Польшѣ, какой переворотъ породило оно въ со-

---

[1]) I-я 175 стр., II-я 106.

ціальномъ ея бытѣ, то намъ казалось бы необходимымъ указать, хоть въ бѣгломъ очеркѣ, на обстоятельства, которыя споспѣшествовали возникновенію и развитію такого историческаго явленія,— намъ казалось бы нужнымъ пояснить при какихъ условіяхъ проникалъ въ древне-польскій бытъ нѣмецкій порядокъ, въ чемъ лежала завоевательная сила нѣмецкаго права и среди какихъ обстоятельствъ приноравливалось тогдашнее общество къ иностраннымъ понятіямъ объ юридическихъ и государственныхъ отношеніяхъ? какимъ образомъ вводился нѣмецкій строй и что споспѣшествовало его укорененію? что благопріятствовало заимствованію изъ германскаго міра началъ, чуждыхъ древне-славянской жизни? была ли возможность уклониться отъ этого завоевательнаго вліянія, какъ относилась къ нѣмецкому порядку государственная власть—князья и короли польскіе XIII и XIV вѣковъ—и какіе элементы нашлись въ самомъ обществѣ, которые послужили посредниками такого перениманія чужестранныхъ началъ? Однимъ словомъ, слѣдовало бы указать на связь съ общими всемірно-историческими событіями, подготовившими онѣмечивающее вліяніе, которое должно было усилиться или вслѣдствіе недостатка противодѣйствующихъ силъ, или же вслѣдствіе существованія въ самомъ обществѣ сродныхъ элементовъ. Мы, повторяемъ мысль нашу, имѣли бы полное право требовать отъ автора такихъ общихъ замѣчаній въ виду тѣхъ многихъ, иногда довольно далеко заходящихъ отступленій отъ главной путеводной идеи, которыя попадаются: въ первой части — именно въ виду той полноты, съ которою авторъ раскрылъ картину отношеній, образовавшихся вслѣдствіе введенія нѣмецкаго права. Мы отнюдь не думаемъ ставить въ вину автору, что онъ ограничился показаніемъ только перелома, вызваннаго въ государственномъ правѣ введеніемъ нѣмецкихъ началъ, что онъ не разъяснилъ послѣдствій, происшедшихъ въ уголовномъ и гражданскомъ правѣ Польши, такъ какъ разработка этихъ послѣднихъ вопросовъ, по словамъ г. Буданова, требуетъ отъ изслѣдователя спеціальнаго, юридическаго образованія. Но кажется, что рѣшая задачу о послѣдствіяхъ какого-нибудь историческаго явленія, необходимо указать на причины, тѣсно связанныя съ самими послѣдствіями, такъ какъ подобное сопоставленіе сглаживаетъ рѣзкость послѣдствій. Было бы излишнимъ съ нашей стороны сомнѣваться въ томъ, что столь добросовѣстному автору, какимъ представляетъ г. Буданова его сочиненіе, не были извѣстны тѣ обстоятельства, среди которыхъ Польша вовлекалась въ западно-европейскій міръ и въ кругъ

его понятій—какое вліяніе производило польское духовенство съ XI столѣтія, за два вѣка до введенія нѣмецкаго права — духовенство, по большей части германскаго происхожденія — какія близкія сношенія завязались съ Чешскою страною, подчинявшеюся особенно въ XI столѣтіи германскимъ понятіямъ и учрежденіямъ — и какое сильное давленіе германскаго населенія началось съ запада въ восточномъ направленіи въ XII столѣтіи — въ вѣкъ окончательнаго завоеванія Полабскихъ и Браниборскихъ Славянъ — при какихъ экономическихъ условіяхъ поселялись германскіе колонисты, воздѣлывавшіе опустошенную польскую землю—какое сильное вліяніе шло отъ сосѣдней родной онѣмечиваемой въ томъ же XII столѣтіи Силезіи.

Не распространяясь слишкомъ много о томъ, чего мы не находимъ въ сочиненіи г. Буданова, мы обращаемся къ оцѣнкѣ той стороны послѣдствій, которыя авторъ видитъ отъ введенія въ Польшѣ нѣмецкаго права.

Нѣмецкое право (стр. 6) подѣйствовало на весь соціальный бытъ Польши и Литвы: а) ослабило княжескую власть въ Польшѣ (а черезъ нее и въ Литвѣ), лишивъ ее большей части финансовыхъ правъ и утвердивъ воззрѣнія, заимствованныя изъ частнаго права на судебную и административную власть; б) оно рѣшительно измѣнило бытъ сельскихъ обывателей, ихъ личныя и имущественныя права; в) оно создало новое понятіе о городѣ и городскомъ сословіи.

Какими правами пользовались князья до XIII столѣтія и какъ видоизмѣнились они вслѣдствіе введенія нѣмецкаго права, какія новыя родились отъ него отношенія частныя и государственныя— объ этомъ мы узнаемъ изъ источниковъ — изъ общихъ собраній документовъ, въ которыхъ сохранились слѣды какъ древняго устройства, такъ и новаго положенія и новыхъ учрежденій.

Какъ ни справедливы жалобы г. Буданова на то, что мало издано до настоящаго времени (стр. 5) документовъ, относящихся къ избранному предмету, и какъ ни точно перечисленіе двухъ или трехъ сборниковъ, заключающихъ въ себѣ грамоты касательно введенія нѣмецкаго права въ Польшу—Варшавскаго кодекса (3 части Ржищевскаго, Мучковскаго и Бартошевича) и для Великой Польши Рачинскаго, мы однако позволимъ себѣ прежде всего сдѣлать нѣсколько замѣчаній касательно ограниченнаго числа употребленныхъ г. Будановымъ источниковъ.

Авторъ пользуется довольно широко Сборникомъ Силезскихъ

грамотъ Штенцеля. Намъ очень часто, въ самомъ дѣлѣ, приходится пояснять темныя стороны въ отношеніяхъ чисто-польскихъ областей подобными же отношеніями въ родственной Силезіи. Но г. Будановъ, пользуясь этимъ сборникомъ, заходитъ иногда слишкомъ далеко, забывая, что Силезія опередила Польшу въ дѣлѣ онѣмеченія и что въ этой странѣ развитіе пошло путемъ совершенно другимъ, такъ какъ въ ней привились германскія начала обширнѣе, многосторонніе и проникли гораздо глубже въ общественный строй, чѣмъ въ Польшѣ, и породили отношенія, не встрѣчаемыя въ чисто польскихъ княжествахъ, какъ это будетъ доказано ниже.

Но возвращаясь къ настоящимъ польскимъ сборникамъ источниковъ, мы умолчать не можемъ объ одномъ обстоятельствѣ. Авторъ приводитъ въ обзорѣ источниковъ Сборникъ грамотъ гр. Рачинскаго: Codex diplomaticus Majoris Poloniae и Варшавскій 3-хъ томный Codex diplomaticus Poloniae; между тѣмъ по справкамъ оказывается, что г. Будановъ, вѣроятно за неимѣніемъ Рачинскаго, не воспользовался Сборникомъ грамотъ, относящихся къ Великой Польшѣ, и по той же самой причинѣ ограничился лишь указаніями и свидѣтельствами, заключающимися въ III томѣ Варшавскаго Сборника. Г. Будановъ нашелся слѣдовательно въ томъ трудномъ положеніи, что долженъ былъ по актамъ, относящимся исключительно къ Малой Польшѣ, дѣлать общіе выводы касательно Великой Польши и Мазовіи.

Гдѣ слѣдуетъ изъ мелкихъ, мимоходныхъ указаній возстановлять себѣ въ умѣ систему государственныхъ отношеній, тамъ никогда, по нашему мнѣнію, не покажется изслѣдователю возможно большее количество указаній, по которымъ историкъ былъ бы въ состояніи строго отличить частное отъ общаго. Такое требованіе не лишено основательности, особенно въ виду многообразныхъ отношеній, видоизмѣнявшихся по провинціямъ — по преимуществу въ устройствѣ средневѣковыхъ государствъ, которыя дробились, подобно Польшѣ въ XII и XIII столѣтіяхъ, на удѣльныя княжества и развивались своеобразно, другъ отъ друга независимо.

Къ источникамъ по нѣмецкому праву причислить слѣдуетъ:

Kodeks dyplomatyczny księstwa Mazowieckiego. Варшава 1863 г., князя Любомірскаго.

Przywileje, nadania i swobody, udzielone miastom województwa Plockiego, zebrane priez Gawareckiego. 1828.

Städtebuch des Landes Posen von Heinrich Wuttke, Leipzig. 1864.

Документы и Акты, относящіеся къ исторіи городовъ Калиш-

ской губерніи въ Калишскихъ Губернскихъ Вѣдомостяхъ (впрочемъ появившіеся въ 1869 г., до изданія сочиненія г. Буданова).

Starodawne pomniki prawa Polskiego prez Zygm. Helcla т. I и II (впрочемъ послѣдній оконченъ только въ прошедшемъ году).

Пособія: статьи, напечатанныя въ Варшавской Библіотекѣ (Biblioteka Warszawska) 1843 L. Ł. O sołtysach w Polsce.

1857 г. т. II, кн. Любомірскаго: О земледѣльческомъ классѣ въ Польшѣ.

1861 г. Шайнохи: О польской шляхтѣ.

Въ періодическомъ изданіи: Znicz—статьи Маронскаго (1843 г.) О солтысахъ въ Польшѣ, и нѣсколько монографій по исторіи городовъ въ Польшѣ, кромѣ приведенныхъ авторомъ (173 и 174 стр.), Всховы, Кобылина, Быдгощи, Дольска, Сандомира и др.

Первое положеніе г. Буданова о послѣдствіяхъ, происшедшихъ отъ введенія нѣмецкаго права, гласитъ слѣдующее:

Нѣмецкое право ослабило княжескую власть въ Польшѣ (а чрезъ нее и въ Литвѣ), лишивъ ее бо̀льшей части финансовыхъ правъ и утвердивъ воззрѣнія, заимствованныя изъ частнаго права, на судебную и административную власть.

Чтобы оправдать такое положеніе, чтобы тѣмъ нагляднѣе показать читателю основательность заключенія, авторъ очень умѣстно, согласно требованіямъ строгой систематичности, сопоставляетъ состояніе княжеской власти до введенія нѣмецкаго права, съ утратою правъ, которыхъ лишались князья, раздавая щедрою рукою привилегіи по нѣмецкому праву.

Послѣ вѣрнаго опредѣленія того, что разумѣть слѣдуетъ подъ названіемъ jus ducale, обозначающее сумму княжескихъ правъ, къ которымъ принадлежатъ права на подати, повинности, регаліи, права судебной и административной власти, авторъ разбираетъ подробно права князя, составлявшія источникъ его доходовъ.

Прямая подать состояла въ уплатѣ такъ называемаго поральнаго (poradlne), уплачиваемаго по 12 грошей съ каждаго воздѣланнаго участка земли.

Экстраординарный налогъ, взимаемый въ особенныхъ случаяхъ, назывался exactio.

Сверхъ того *annona ducalis* собиралась натуральными произведеніями, и на княжескій дворъ отдавались въ извѣстныя времена коровы, овцы и проч. Впрочемъ намъ кажется, что она иногда перелагалась на деньги.

Повинности состояли въ доставленіи необходимыхъ съѣстныхъ припасовъ во время военнаго похода или проѣзда князя или должностныхъ лицъ—что въ итальянскихъ грамотахъ называется fodrum, доставляемое общинами, когда германскій императоръ отправлялся походомъ въ Римъ.

Подводною повинностью обозначалась обязанность сельскаго или городскаго населенія перевозить въ военное время изъ одного мѣста въ другое военные снаряды, припасы, или въ мирное время, перевозить продукты, собранные въ пользу княжескаго двора (у Итальянцевъ parafredi). Къ тому же самому роду причислить слѣдуетъ такъ называемыя angaria и perangaria, или работы около постройки укрѣпленныхъ замковъ.

Княжескія регаліи давали князьямъ право пользоваться водами, ловлею звѣрей и птицъ и рыболовствомъ.

Уже Штенцель, въ предисловіи къ Силезскому сборнику, опредѣлилъ и объяснилъ отношенія народонаселенія къ государственной власти, права, какими пользовались князья, обязанности и повинности, какія должны были нести подчиненные. Никакъ не думая дѣлать замѣчанія относительно княжескихъ правъ, перечисленныхъ г. Будановымъ, мы однако считаемъ не излишнимъ привести мѣста въ подтвержденіе положенія автора, чтобы показать еще большую полноту правъ, принадлежавшихъ князьямъ.

Премыславъ даруетъ Ленденскому монастырю деревню Ярошинъ и освобождаетъ ее a povoz, a prevod, a strosa, a dan, a naraz, a podvorove, a targove, a mostne, a castrorum edificio sive poncium quorumlibet, a recepcione Subvenatoris seu custodis vel conductu castoriarorum, a vicinia quod opole vulgariter nuncupatur, a custodia vel solucione erodiorum, quod socol nuncupatur et ab omni exactione seu collectione quod povolove dicitur, a vecturis et expedicionibus vel omnibus juribus in Polonia constitutis, quibuscumque censeantur nominibus [1])

или въ другомъ мѣстѣ, когда Конрадъ Мазовецкій освобождаетъ церковь въ Плоцкѣ отъ повинностей:

Ecclesiarum homines ducalia non compellentur edificare castra, sed suis municionibus reparandis et conservandis dumtaxat intendent. Caniductores, venatores cum retibus et falconarii non intrabunt villas eorundem. Braxacio potus non ponetur in eisdem villis. Wacca podvorove vel cane pro podvorove sive illud quod dicitur Narzaz de pre-

[1]) Cd. dipl. Pol. I. 148 стр.

dictis villis non accipietur. Prevod rusticanum sive povos prefati homines non ducent, falconem casu deperditum eciam non solvent [1]).

Тотъ же самый князь, даруя Блонской церкви деревню освобождаетъ ее:

ab omnibus et singulis nostris nostrorumque successorum censibus pecuniarum a staciouibus et quibusvis oppressionibus angariis et perangariis et specialiter ab his que sequuntur Sep, Obrzaz, Narzaz, porco, vacca, ariete pozewne Nyestane, podymne, Strosza Szron przevoth, Mothne psarszkye a venatoribus laboribus et ceteris oppressionibus... [2]).

Приведенныя нами мѣста, показывая съ одной стороны какъ обширны были княжескія права въ отношеніи къ подчиненнымъ, показываютъ въ то же время, что многое было только злоупотребленіемъ или незаконнымъ обремененіемъ, которое должно раньше или позже прекратиться. При неразвитости экономическихъ отношеній, когда натуральное хозяйство преобладало надъ денежнымъ, при отсутствіи денежнаго оборота, подати легко могли принимать неопредѣленный характеръ, открывающій широкое поле для личнаго произвола. Среди неурядицы XII и XIII столѣтій въ удѣльныхъ княжествахъ и общаго смятенія утвердилось за князьями многое, что должно было исчезнуть при водвореніи порядка. Оттого то и грамота 1289 г. (см. выше, Cd. Mas. 29 стр.) упоминаетъ о незаконныхъ взысканіяхъ (oppressiones), которыя умножались по мѣрѣ того, какъ дробилась власть королевская и князья среди военныхъ занятій переставали заботиться объ общественномъ порядкѣ. Приводя права, принадлежавшія князьямъ въ XII столѣтіи, слѣдуетъ имѣть въ виду усиленіе княжеской власти, умноженіе правъ незаконнымъ путемъ. Не должно забывать, какую картину рисуетъ намъ Викентій Кадлубекъ [3]), говоря о Мстиславѣ III, характерѣ его правленія, ознаменованнаго строгостью, незаконными поступками его должностныхъ лицъ, разсказывая объ угнетеніи народа взысканіемъ строгихъ денежныхъ штрафовъ; не слѣдуетъ забывать, что и въ другихъ провинціяхъ подобнымъ образомъ разширялся объемъ княжескихъ правъ во вредъ народа. Довольно упомянуть объ извѣстныхъ постановленіяхъ Ленчицкаго синода 1180 года при Казимірѣ Справедливомъ, въ доказательство того, что княжескія права умножились во многихъ отношеніяхъ путемъ насилія и

---

[1]) Cd. Masov. 1231 г. 4 стр.

[2]) Ibid. 1289 г. 29 стр.

[3]) Vincent. Kadl. ed. Crac. 1864 г. Lib. IV, c. II.

что они должны были уменьшиться независимо отъ введенія нѣмецкаго права.

Fuit autem huic genti, слова Викентія Кадлубка [1]), ex antiquo persolenne et quasi consuetudinis auctoritate approbatum, ut quisque potentum quorsumlibet pompatice vergens, pauperum non tantum paleam, fenum, stipulam, sed annonam, horreis ac tuguriis perfractis, potestative diriperet, nec tam depascenda quam caballis percalcanda profunderet. Erat et aliud non absimili temeritate antiquatum; quoties a potente aliquid vel exiliis legatiunculae ad quemlibet esset instanter perferendum, iussi sunt satellites veredis pauperum insilire et unius horae momento infinitissima stadiorum millia cursu citatissimo transvolare. Quae res multis multo fuit periculo, quorumdam caballis irremediabiliter enervatis, quorumdam penitus exstinctis, nonnullis, quum probati essent, irrevocabiliter abductis.

Подобнымъ образомъ какъ подводная повинность, могло случиться, что и другія подавали поводъ къ утвержденію за князьями и ихъ чиновниками разныхъ выгодъ въ ихъ пользу, особенно со временъ раздробленія Польши при преемникахъ Болеслава Кривоустаго.

Впрочемъ возраженія наши отнюдь не касаются самыхъ существенныхъ предѣловъ княжескихъ правъ и источника доходовъ; мы вполнѣ согласны съ авторомъ въ томъ, что княжескія права были въ самомъ дѣлѣ обширны; но считаемъ необходимымъ замѣтить, что къ концу XII столѣтія, когда вводилось нѣмецкое право, многое могло быть злоупотребленіемъ, что̀ должно было исчезнуть при водвореніи порядка. Возраженія наши имѣютъ въ виду только смягчить рѣзкость воззрѣнія г. Буданова на предѣлы княжескихъ правъ.

Представивъ тѣ широкія основанія, на которыхъ воздвигались права государственной власти, авторъ старается показать, какой ущербъ этимъ правамъ принесло нѣмецкое право своими освобожденіями отъ разныхъ податей и повинностей.

Нѣмецкое право, говоритъ г. Будановъ (17 стр.), оказало вліяніе на уменьшеніе финансовыхъ средствъ Польши двумя способами: а) непосредственно чрезъ освобожденіе все большаго и большаго числа духовныхъ и свѣтскихъ владѣній отъ податей и повинностей и б) косвенно, чрезъ освобожденіе общинъ отъ военной повинно-

---

[1]) Lib. IV, c. IX. 185.

сти, что̀ заставляло князей (и королей) увеличивать массу дружинниковъ и слѣдовательно давать имъ содержаніе, то есть, права дружины на княжескіе доходы въ имѣніяхъ. Говоря о первой сторонѣ вліянія нѣмецкаго права, нужно различать пожалованіе нѣмецкаго права общинамъ, живущимъ на государственной (т. е. княжеской) землѣ, или новымъ колоніямъ, водворяющимся на этой землѣ, отъ пожалованія его духовенству и частнымъ собственникамъ.

Г. Будановъ очень справедливо замѣчаетъ, что дарованіе нѣмецкаго права княжескимъ имѣніямъ не только не уменьшаетъ княжескихъ доходовъ, но напротивъ, влечетъ за собою ихъ увеличеніе. Поземельный чиншъ, уплачивавшійся колонистами или поселенцами, устроенными по нѣмецкому праву, доходы собираемые съ торговаго занятія—вотъ, по словамъ автора, источники умноженія княжескихъ доходовъ.

Статью столь важную, послѣдствія столь многочисленныя, происшедшія отъ умноженія городскаго народонаселенія, однимъ словомъ, обстоятельства, проливающія свѣтъ на указанныя льготы, авторъ обошелъ почти незамѣтно, коснувшись предмета тѣсно связаннаго съ нѣмецкимъ правомъ только слегка, мимоходомъ (одна страница). Намъ кажется, что если дѣйствительно уменьшились доходы князей отъ жалованія частнымъ лицамъ нѣмецкаго права, то выгоды и убытокъ уравновѣшиваются; слѣдовало бы такимъ образомъ сопоставить обѣ стороны, выгодную и вредную, и оцѣнить взаимное ихъ отношеніе [1]).

Мы вышли бы за предѣлы рецензіи, если бы вздумали категорически перечислять обширныя выгоды, происшедшія отъ умноженія городовъ, которыхъ возникновенію содѣйствовало именно нѣмецкое право. Не только увеличились княжескіе доходы обильнымъ сборомъ поземельнаго чинша и чрезвычайныхъ податей, они увеличивались еще и косвенно.

Такъ, напримѣръ, пограничные города замѣняли собою укрѣпленныя мѣста и многолюдностью своею образовали оплотъ противъ вторженій внѣшнихъ враговъ. Такое значеніе пріобрѣли города на пограничной линіи отъ Нѣмецкаго Ордена, Помераніи, Си-

---

[1]) Въ грамотахъ, относящихся къ введенію нѣмецкаго права, часто упоминается о выгодахъ 7359. Cd. Pol. II. 731. advertentes quod jus theutonicum et civile nobis et nostris regnicolis multum affert utilitatis...

лезіи: Повидзъ [1]), Быдгощь, Мендзыржецъ, Кросно, Всхова и др.

Въ стратегическомъ отношеніи города пріобрѣтали важность еще и въ томъ смыслѣ, что пролагаемыя или чрезъ лѣсныя страны дороги содѣйствовали облегченію сообщеній. Предполагаемъ, что указанныя обстоятельства находятся въ тѣсной связи съ финансовою стороною нѣмецкаго права, не говоря уже о послѣдствіяхъ въ экономическомъ отношеніи, объ увеличеніи народнаго богатства, оживленіи торговли, распространеніи многочисленныхъ ремеслъ, объ удобствахъ происшедшихъ отъ усиленія денежнаго оборота. Отъ вниманія автора не ускользнула такая важность городовъ, когда онъ въ другомъ мѣстѣ называетъ ихъ главнымъ источникомъ финансовыхъ доходовъ во времена рѣчи Посполитой.

Что дарованіе нѣмецкаго права частнымъ владѣльцамъ влекло за собою уменьшеніе доходовъ князей, что изъятія, даваемыя по нѣмецкому праву, приносили ущербъ государственной казнѣ, мы опровергать этого не станемъ. По справедливому замѣчанію автора, уже Бантке [2]) приписываетъ такое вліяніе нѣмецкому праву. Впрочемъ и Реппель [3]) такимъ же самымъ образомъ опредѣляетъ послѣдствія, возникшія отъ введенія нѣмецкаго права. Г. Будановъ разсматриваетъ, по статьямъ, освобожденія, которыя давались частно — владѣльческимъ имѣніямъ вмѣстѣ съ нѣмецкимъ правомъ.

«Тогда эти имѣнія освобождаются отъ общей поземельной подати — поральнаго. Нужно, однакожъ, думать, что освобожденіе отъ этой подати было неполное; если и бывало полное, то очень рѣдко.» Оговорка эта совершенно основательна. Въ доказательство того, что имѣнія освобождались отъ поральнаго, авторъ приводитъ одну грамоту [4]). Что они не освобождались или очень рѣдко, мы

---

[1]) См. Wuttke, Städteb. d. Land. Posen. 1365. 29 стр. льготы данныя за защиту города и за приверженность королю.

Городъ Пржипустъ. Cd. Pol. 2 II 622 стр.: promisimus etiam civitatem dictam munire, cum homines tot venerint, qui *perse ipsos* poterint ipsam custodire.

Плоцкъ Cd. Mas. 1354. 64 стр. Казиміръ предписываетъ мѣщанамъ выстроить значительную часть городскихъ стѣнъ и башни на собственное иждивеніе.

[2]) Hist. pr. polsk. стр. 173.

[3]) Geschichte Polens 593 стр.

[4]) Cd. Pol. III 80 стр.

подтвердить это можемъ словами грамоты Болеслава Мазовецкаго, данной монастырю Цистерсовъ: communem terre solucionem, que poradlne nuncupatur ad instantiam abbatis de Yezow.... decem annis dedimus percipere inconvulse, quibus evulsis ad nostrós demum usus spectabunt [1]).

При дарованіи нѣмецкаго права частному владѣльцу обыкновенно выговаривалась уплата чинша съ земли, воздѣлываемой поселенцами деревни: damus Comiti Virbentae potestatem locandi villam jure theutonico.... praccipimus assignare quinquaginta mansos longos, in quibus omnes Incolae a solucione census et decimae infra viginti annos gaudebunt libertate, post elapsam vero libertatem *de quolibet manso nobis singulis annis* si videbitur aut eidem Comiti Virbente pro censu *dimidiam marcam* argenti usualis....

Изъ приведенныхъ примѣровъ слѣдуетъ, что относительно чинша, или денежныхъ доходовъ, нѣмецкое право не приносило значительнаго убытка, ибо, если случалось освобожденіе отъ уплаты поземельной ренты, то оно вознаграждалось тѣми доходами, которые происходили отъ умноженія сельскаго народонаселенія въ частновладѣльческихъ имуществахъ.

Но натуральные поборы, продолжаетъ авторъ, совершенно и постоянно уничтожаются жалованными грамотами на нѣмецкое право: такъ что.... absolvimus a vacca a bove etc. есть постоянная форма такихъ грамотъ. Между тѣмъ этого постоянства въ источникахъ вовсе не встрѣчаемъ, такъ напр.... nulla alia solucio sit in civitate preterquam de tabernis, *vacca* de podvorove [2]).

Если впрочемъ поселенцы по нѣмецкому праву освобождались отъ подобныхъ поборовъ, не приносившихъ для княжескаго двора значительныхъ выгодъ, то они обыкновенно замѣняемы были чиншемъ.

Освобожденіе отъ стацій, имѣющихъ особенную важность, не встрѣчается постоянно, какъ это предполагаетъ г. Будановъ..... a stacione venatorum et aucupum etc. a stacione pannificum et braxatorum excepto si in eorum villa steterimus [3]).

Мы должны согласиться съ авторомъ, при разборѣ слѣдующаго пункта, въ томъ, что князья уничтожаютъ подводную повинность, давая грамоты на нѣмецкое право; но не считаемъ основательнымъ

---

[1]) Cd. Pol. I. 102 стр.

[2]) Cod. Masov. 1237. 9 стр.

[3]) Cd. Pol. III. 139 стр.

приписывать силезскимъ князьямъ, какъ это дѣлаетъ г. Будановъ, болѣе благоразумія, чѣмъ польскимъ. Силезскіе князья, говоритъ авторъ, сохранили сначала за собою подводную повинность въ военное время для доставленія провіанта и перевозки плѣнниковъ. Въ грамотахъ же князей восточной Польши *постоянно* стоитъ общая форма: absolvimus a powoz, prevod etc. все равно дается ли грамота собственному имѣнію князя или частно-владѣльческому. Мы, однакожъ, возразить должны, что постоянства не встрѣчаемъ, и что польскіе князья, подобно силезскимъ, выговариваютъ себѣ право на такія повинности:

1241 г. грамота, данная Плоцкой церкви: et illi omnes (homines ecclesiae) povod militare ducent [1]).

1237 г. Плоцку..., vel aliqui captive comprehendantur non longius de civitate non in ostrog, liscovo et sestovo per cives deducantur. Ultra vero Vislam nullus conductus a civitate deducatur [2]).

1364 г. Казиміръ утверждаетъ грамоту, данную гор. Повидзъ: ab omnibus podevodis.... laboribus.... *extunc* eximimus [3]) и проч.

Княжескія регаліи подвергались сначала, при дарованіи нѣмецкаго права, какъ справедливо замѣчаетъ авторъ, нѣкоторымъ ограниченіямъ: князья оставляютъ напр. за собою право на ловлю бобровъ, медвѣдей и проч..... excepto Pomilione, qui dicitur Tur, quem volumus spectare nostrum ad ducatum, и тому подобныя исключенія [4]).

И относительно горной регаліи князья не были такъ расточительны при дарованіи нѣмецкаго права, какъ это предполагаетъ г. Будановъ. Очень часто встрѣчаются въ грамотахъ опредѣленія, какая часть добываемой соли или металловъ должна оставаться за княземъ или королемъ. Въ грамотѣ, данной монастырю Цистерсовъ 1249: si sal invenerint.... inde partem terciam jure hereditario in perpetuum percipiant. Concedimus.... ut si metalla aliqua auri argentique invenerint aut inveniri fecerint ex hijs quintam partem in perpetuam possessionem habeant [5]).

1255.... si aliquod metallum in territorio eodem et bonis dicti monasterii poterit reperiri, medietas ejus ad ducale dominium... reddetur [6]).

---

[1]) Cd. Mas. 41 стр.
[2]) Cd. Mas. 8 стр.
[3]) Wuttke-Städteb. d. Land. Pos. 29 стр.
[4]) Cd. Mas. 34 стр.
[5]) Cd. Pol. I. 55.
[6]) Cd. Pol. III. 65 стр.

Подобныя доказательства мы считаемъ необходимымъ привести, чтобы показать, что и монетная регалія не раздавалась слишкомъ расточительно. Г. Будановъ предполагаетъ, что право чеканить монету было въ XIV столѣтіи чрезвычайно распространено въ городахъ, пожалованныхъ нѣмецкимъ правомъ. Доказательствъ не приводится никакихъ; только путемъ соображеній авторъ приходитъ къ такому убѣжденію. Г. Будановъ жалуется на то, что до насъ не дошли грамоты, по которымъ можно бы ясно судить о связи пожалованія правомъ чеканить монету съ нѣмецкимъ правомъ.

Вотъ грамота Казиміра В., данная 1346 г. вновь основанному городу Быдгощи: et pro dicti oppidi melioratione damus dicto oppido nostro monetam facere debere et habere, census tamen sive fructus de moneta ipso proveniens ad nos et successores nostros ex toto pertinebit [1]).

Если мы станемъ разсматривать вопросъ о монетной регаліи по приведенной грамотѣ 1346, то жалованіе ею не наносило никакого ущерба княжескимъ или королевскимъ доходамъ, такъ какъ городъ долженъ былъ уплачивать монетный чиншъ. Тогда король получалъ безъ труда болѣе, чѣмъ имѣлъ до жалованія грамотой на нѣмецкое право. Городъ же, чеканя свою монету, былъ огражденъ отъ всякихъ, такъ часто происходившихъ, злоупотребленій монетчиковъ [2]). Впрочемъ монетная регалія не давалась частнымъ владѣльцамъ (развѣ только епископствамъ), даваемая же городамъ составляла источникъ умноженія княжескихъ доходовъ.

Но самымъ вліятельнымъ изъятіемъ, говоритъ авторъ (12 стр.), продолжая статью о послѣдствіяхъ введенія нѣмецкаго права, было освобожденіе отъ военной повинности.

Г. Будановъ руководится мыслью, что поселенцы по нѣмецкому праву обязаны были нести военную службу только въ войнахъ оборонительныхъ и внутреннихъ, «отъ внѣшнихъ же войнъ они освобождаются всегда, и даже тогда только принимаютъ участіе въ защитѣ страны, когда война касается границъ ихъ поселеній. И такъ, продолжаетъ авторъ, нѣмецкое право обязываетъ колонистовъ къ тому, къ чему обязываетъ каждаго чувство собственнаго самосохраненія; во время войны жители открытыхъ мѣстъ и безъ того убѣгали въ ближайшіе замки и принимали участіе въ

---

[1]) Wuttke Städteb. d. L. Pos. 35 стр.

[2]) Cpab. Vincent. Kadlub. IV. 2.

ихъ оборонѣ: единственный обязательный долгъ ихъ вооружать извѣстное число людей на свой счетъ.

Вотъ доказательства, заставляющія ограничить тѣ широкія освобожденія по нѣмецкому праву, которыя имѣетъ въ виду г. Будановъ.

Намъ кажется, что по большей части, независимо отъ нѣмецкаго права, освобождались поселенцы отъ походовъ внѣшнихъ, или во время личныхъ войнъ междоусобицъ, веденныхъ удѣльными князьями.

Поселенцы Станіонтскаго монастыря освобождаются отъ участвованія въ походахъ князя, но обязаны были вооружить 16 людей: ad expeditionem quamlibet sedecim homines cum clypeis mittent [1]).

О жителяхъ города Андржеева говорится: quod si forte quod absit exercitus paganorum terram ingredientur vel et si inimici eam invadent manifeste ire tenentur, sicut cives aliarum civitatum terre nostre que iure theutonico sunt locate [2]).

1233.... Mecum tamen ibunt in expedicionem ad terre mee defensionem [3]).

1286.... ad expediciones non ibunt nisi quando Cujavia ab alieno exercitu invadetur [4]) и многія другія грамоты, въ которыхъ говорится не только объ обязанности защищать границы поселеній, но и вообще цѣлой страны или княжества.

О постройкѣ замковъ, объ ихъ ремонтѣ, часто встрѣчаются упоминанія — такъ что повинность эта лежитъ и на деревняхъ по нѣмецкому праву. Князь Земовитъ Мазовецкій, освобождая имущества познанской церкви отъ разныхъ повинностей, требуетъ отъ сельскихъ жителей, управляющихся нѣмецкимъ правомъ: ut praedicti incolae solummodo ad reaedificationem castri ejusdem in Czyrsh cum aliis militibus secundum consuetudinem nostrorum militum teneantur [5]).

Разсматривая ближе освобожденіе поселенцевъ по нѣмецкому праву отъ обязанности нести военную службу во внѣшнихъ войнахъ, мы предполагаемъ, что такое освобожденіе произошло отъ

---

[1]) Cd. Pol. III. 90 стр.
[2]) Cd. Pol. III. 94 стр.
[3]) Cd. Pol. I. 39 стр.
[4]) Cd. Pol. I. 118 стр.
[5]) Cd. Maj. Pol. 107 стр.

причинъ, которыя не имѣютъ никакой связи съ дарованіемъ нѣмецкаго права.

Намъ кажется, что уже въ XII столѣтіи, до введенія нѣмецкаго права, перемѣнился прежній военный порядокъ, что общее народное ополченіе замѣнено было родомъ рыцарскихъ отрядовъ, которые служили удобнымъ орудіемъ для удѣльныхъ князей во время междоусобныхъ войнъ, что общее ополченіе не могло выносить обременительныхъ походовъ, предпринимавшихся безпокойными князьями, — вслѣдствіе чего родилась необходимость образовать дружинническіе отряды, подобные тѣмъ, которые стали образовать меровингскіе короли въ VI и VII столѣтіяхъ, разчитывавшіе болѣе на помощь своихъ вѣрныхъ Leudes, чѣмъ на народное ополченіе. Утверждалась въ Польшѣ извѣстнаго рода сословная исключительность, перемѣнялся образъ воеванія, пѣхотный строй не содѣйствовалъ быстротѣ движенія, конные отряды преобладали надъ пѣшими. Для такого рода службы требовались средства, которыя превышали силы поселенца; мало по малу народное ополченіе созывалось только въ случаяхъ общей нужды — во время нападенія; наступательную же войну стали вести князья при помощи конныхъ отрядовъ.

Такъ какъ солтысъ деревни обыкновенно располагалъ болѣе обильными средствами и не принадлежалъ къ простолюдинамъ, земледѣльцамъ, то на немъ лежала обязанность нести военную службу, такую, какую солтыство застало въ Польшѣ до введенія нѣмецкаго права.

Оттого и предписывается въ грамотахъ на нѣмецкое право — какъ слѣдуетъ солтысу вооружаться и опредѣляется цѣна боевой лошади, лошадь должна быть хороша. Почти постоянно въ грамотахъ выражается отчетливо, что требуется отъ солтыса [1]): cum uno equo in valore trium marcarum. Villici autem.... sculteto cum ipsum ad expedicionem ire contingerit sibi cum duobus equis ad suum tenebuntur placitum famulari.

Advocatus.... ad quamlibet expeditionem.... cum tribus famulis, armis bellicis bene dispositis.... paratus esse teneatur [2]).

Sculteti.... ad expedicionem cum uno homine in plactis vel in pancerio tenebuntur servire. [3]).

---

[1]) Cd. Pol. III. 129 стр.
[2]) Cd. Pol. III. 209 стр.
[3]) Ibid. 221 стр.

Scultetus.... cum uno homine galcato et equo bono tenebitur servire [1]).

Мы приступаемъ теперь къ общему выводу. Почти во всѣхъ пунктахъ, приведенныхъ Будановымъ, мы должны были сдѣлать ограниченія, показывая и объясняя, что нѣмецкое право вводимое въ частно-владѣльческія имѣнія, не приносило значительнаго ущерба государственной казнѣ, которая, согласно съ мнѣніемъ автора, сохраняла все еще въ пользу свою право на сборы поземельнаго денежнаго чинша. Другія освобожденія, какъ показано было, или малозначительны или давались съ разными ограниченіями, освобожденіе отъ военной службы послѣдовало и безъ нѣмецкаго права, вслѣдствіе перемѣны образа веденія войны.

Принимая въ соображеніе тѣ обильные источники, которые открылись для княжескихъ доходовъ въ умножившихся отъ нѣмецкаго права городахъ, взвѣшивая тѣ огромные финансовые доходы съ незначительнымъ ущербомъ, происходившимъ отъ дарованія нѣмецкаго права частно-владѣльческимъ имуществамъ, — мы согласиться не можемъ съ мнѣніемъ автора — относительно перваго пункта о послѣдствіяхъ введенія нѣмецкаго права — будто оно ослабило княжескую власть въ Польшѣ, лишивъ ее большой части финансовыхъ правъ.

Но какъ бы то ни было — власть княжеская въ XIII вѣкѣ въ Польшѣ далеко не такъ обширна и не пользуется такою полнотою правъ, какъ мы это видимъ однимъ или двумя столѣтіями раньше. Ослабленіе ея—фактъ неоспоримый, но причины этого явленія кроются не въ одномъ только жалованіи нѣмецкаго права; оно вовсе еще не вводилось, когда церковь посредствомъ иммунитета выступила изъ общаго государственнаго союза и когда уже земское рыцарское сословіе успѣло пріобрѣсти политическое значеніе.

Князья, въ борьбѣ за первенствующее княжество, принуждены стараться о пріобрѣтеніи приверженцевъ и попадаютъ въ зависимость отъ того сословія, которое вездѣ и всегда имѣетъ въ виду свои собственныя выгоды. Стоитъ прочесть послѣднюю книгу исторіи Викентія Кадлубка, чтобъ убѣдиться, что уже въ послѣднихъ десятилѣтіяхъ XII вѣка шляхетское сословіе получаетъ вѣсъ въ государственныхъ дѣлахъ. Предполагать можно, что доставленное ей во время борьбы состязавшихся князей, политическое значеніе, повлекло за собою и извѣстныя выгоды исключенія, изъятія

---

[1]) Ibid. 225 стр.

въ пользу того же сословія. Такимъ временемъ была по преимуществу долголѣтняя борьба Мечислава III съ братомъ Казиміромъ и Лешкомъ Бѣлымъ: въ этихъ безконечныхъ состязаніяхъ князей перевѣсъ зависитъ исключительно отъ шляхты. Въ малолѣтство Лешка Бѣлаго управляетъ Краковскимъ княжествомъ воевода Николай cum quibusdam procerum XXIII; на мѣсто того же Лешка избирается шляхтою Владиславъ Ласконогій «principum, satraparum consensu omnium a caligato milite usque ad supremum princeps Cracoviae dux Vladislaus constituitur» повѣствуетъ Викентій Кадлубекъ въ послѣдней главѣ своей исторіи. Такое возвышеніе шляхетскаго сословія не обошлось безъ извѣстнаго ограниченія княжеской власти, безъ исторженія у нея извѣстныхъ освобожденій. Слѣды такихъ изъятій встрѣчаемъ въ такъ называемыхъ, жалованныхъ грамотахъ, которыхъ только не большое число было извѣстно Реппелю, которыя однако все чаще попадаются въ новыхъ сборникахъ документовъ.

Частные владѣльцы, по примѣру церкви, независимо отъ нѣмецкаго права пріобрѣтаютъ, въ видѣ исключенія, болѣе или менѣе значительную часть такъ называемаго jus ducale и освобождаются вмѣстѣ съ поселенцами своихъ деревень или отъ повинностей или отъ общей польской юрисдикціи [1]). Нѣмецкое право дало въ послѣдствіи сильный толчекъ шляхтѣ, вступившей на этотъ путь, по которому подвигаясь, дошла она до тѣхъ значительныхъ преимуществъ, какія ей обезпечивались Кошицкимъ актомъ 1374. Содѣйствіе же нѣмецкаго права было только побочное, такъ какъ характеръ главнаго направленія опредѣлялся ходомъ событій и развитіемъ XII столѣтія, слѣдовательно до введенія того, что называется jus teutonicum.

II.

Введеніе нѣмецкаго права влекло за собою учрежденіе новыхъ формъ судебнаго и административнаго устройства. Города и деревни, получая самоуправленіе, освобождались изъ подъ власти княжескихъ чиновниковъ, которые замѣнялись новыми, соотвѣтствующими новому образу судопроизводства и управленія. Родились новыя отношенія вновь возникающихъ учрежденій къ государствен-

[1]) Cd. Mas. 1293 стр. 31. 1298 стр. 34. 1319 стр. 40 и проч.

ной власти. Г. Будановъ, переходя послѣдовательно къ разсмотрѣнію формъ нѣмецкаго права, въ краткомъ очеркѣ знакомитъ читателя съ главными основаніями германскаго государственнаго права, съ тѣми учрежденіями, которыя выработались на германской почвѣ подъ вліяніемъ феодализма, съ отношеніями, которыя возникли въ отдѣльныхъ областяхъ духовныхъ и свѣтскихъ, въ то время, когда герцогства, графства, епископства получали видъ почти самостоятельныхъ, независимыхъ территорій. Авторъ имѣетъ въ виду представить вниманію читателя тѣ основныя начала, тѣ образцовыя черты, по которымъ онъ долженъ соображать переходъ заимствованныхъ изъ Германіи учрежденій и ихъ примѣненіе на почвѣ польскаго государственнаго права. Главное вниманіе обращено на характеръ государственныхъ учрежденій Германіи, проникнутыхъ насквозь основаніями ленной системы, которыя впрочемъ проникали въ Польшу въ началѣ XIII вѣка (и утвердились впослѣдствіи самостоятельно) когда феодализмъ вовсе еще не находился на вершинѣ своего развитія въ Германіи, что случилось тамъ какъ извѣстно, только въ XIV столѣтіи. Мысль эта (26 стр.) несовершенно точно выражена, она намъ кажется натянутою. Общій обзоръ начертанъ мелкомъ, бѣглою рукою; цитуется (примѣчаніе 3, стр. 26) Вызинскаго статья, и въ ней пропущено важное слово: вмѣсто «поземельная собственность всегда соединялась съ правами верховной власти» должно быть «съ нѣкоторыми», что очевидно видоизмѣняетъ смыслъ приведеннаго мѣста. Приходится всегда одолѣвать огромныя трудности, когда слѣдуетъ обрисовать въ главныхъ чертахъ состояніе и многоразличныя отношенія особенно пестро устроившейся конституціи Германіи, — но по поводу замѣчанія о шеффенахъ мы не можемъ воздержаться отъ возраженія. Между прочимъ говорится (28 стр.), «по существу дѣла избраніе шаферовъ должно бы принадлежать свободнымъ гражданамъ, но на самомъ дѣлѣ избраніе это не было независимымъ: судья имѣлъ право удалять тѣхъ изъ нихъ, которые ему *не нравились*. Уже Людовикъ благочестивый постановилъ: «Если ревизоры (missi nostri) найдутъ гдѣ дурныхъ шеффеновъ, то должны отставлять ихъ и, съ согласія всего народа, избирать на ихъ мѣсто хорошихъ.»

Во-первыхъ — приведенный авторомъ капитулярій 829 г. [1]) говоритъ только о скабинахъ, которые оказались дурными; на мѣ-

---

[1]) Pertz LL. II.

сто ихъ же totius populi consensu опять избирались новые — значитъ, избраніе происходитъ опять обычнымъ образомъ — и очевидно не теряетъ своей первоначальной независимости. Графъ, фогтъ или вообще предсѣдательствующій имѣлъ право устранять скабиновъ не тѣхъ, которые ему не нравились, но которые оказывались дурными.

Во-вторыхъ. Предполагаетъ ли авторъ, что опредѣленія IX столѣтія Франкской монархіи, касающіяся скабиновъ, могутъ быть примѣняемы къ отношеніямъ разныхъ формъ скабината въ XII и XIII столѣтіяхъ въ городахъ и деревняхъ Германіи. Развѣ въ Кельнѣ, Вормсѣ могъ бургграфъ или фогтъ свободно устранять отъ должности скабиновъ, корпоративно между собою связанныхъ?

Послѣ этого незначительнаго отступленія, возвращаемся къ главному предмету. Авторъ разсматриваетъ учрежденія, заимствованныя изъ Германіи, перенесенныя въ Польшу вмѣстѣ съ Германскимъ правомъ. Самое главное изъ нихъ это войтовство.

Статья о войтовствѣ даетъ вѣрное и точное понятіе о войтахъ и солтысахъ. Авторъ придерживается строгой систематичности, при помощи которой ему возможно было по грамотамъ ясно и отчетливо опредѣлить разныя отношенія войтовъ съ одной стороны къ князьямъ, съ другой къ частнымъ землевладѣльцамъ. Весьма удачнымъ должно считать различіе, проведенное г. Будановымъ между войтовствами. Авторъ совершенно основательно отличаетъ войтовъ и солтысовъ въ частно-владѣльческихъ имуществахъ, отъ войтовъ, которыхъ онъ называетъ княжескими, т. е. такими, которые ставились въ городахъ или княжескихъ деревняхъ, не составляющихъ собственности частныхъ владѣльцевъ.

Права, преимущества, обязанности и отношенія княжескихъ войтовъ изложены вѣрно, систематично, хотя бы желательно было, чтобы авторъ рѣже пользовался силезскими грамотами для выясненія отношеній, образовавшихся въ чисто-польскихъ областяхъ съ нѣкоторыми видоизмѣненіями.

Но одно войтовство не исчерпываетъ всѣхъ учрежденій, которыя возникли вмѣстѣ съ введеніемъ нѣмецкаго порядка. Войты первоначально не получали высшей судебной власти: князья сохраняли ее за собою. Въ частно-владѣльческихъ имуществахъ судебная власть войта или солтыса ограничивалась правомъ судить дѣла гражданскія и дѣла уголовныя меньшей важности, дѣла же уголовныя, наказываемыя смертною казнью должны были поступать на судъ самого князя (.... Si de prodicione, patricidio vel terre pre-

dacione seu quod absit crimine lese majestatis inpetrarent (?) vel similibus a nobis tantummodo .... theutonicali Jure iudicabitur et pena debita punietur Cd. Pol. III 95 стр.; хотя конечно найдутся и исключенія .... teneantur iudicare.... coram ipso sculteto suo iure sive in magnis sive in parvis causis sive videlicet ad suspendendum sive decolandum sive rotandum. Ibid. 1247 г., 52 стр.).

Подобнымъ образомъ судебная власть войта не простирается на лица, подлежащія другому вѣдомству по польскому праву; сверхъ того мѣстный войтовскій судъ представляетъ только первую инстанцію. Соображая указанныя обстоятельства, догадаться не трудно, что слѣдуетъ въ актахъ искать слѣдовъ высшаго уголовнаго и апелляціоннаго суда по нѣмецкому праву. Необходимость такого учрежденія показана авторомъ ясно, убѣдительно: опираясь на аналогію въ Силезіи, въ которой развилось учрежденіе такъ называемаго провинціальнаго войта, замѣнившаго собою князя, относительно высшей судебной власти, г. Будановъ очень справедливо берется отыскать подобное учрежденіе и въ чисто-польскихъ областяхъ. Авторъ коснулся важнаго вопроса о провинціальныхъ войтахъ въ Польшѣ и поставилъ его въ связь съ вопросомъ о началахъ и происхожденіи старостъ или старостинской власти (capitanei). Разъясняя до сихъ поръ ещё никѣмъ неопредѣленное значеніе провинціальныхъ войтовъ, онъ въ то же время рѣшаетъ о происхожденіи старостинскаго уряда трудную задачу, относительно которой доселѣ никто изъ изслѣдователей не представилъ удовлетворительнаго предположенія. На сколько намъ извѣстно, это первая попытка, и она заслуживаетъ вполнѣ уваженія. Выводы, замѣчанія, указанія, сдѣланныя по обоимъ вопросамъ о провинціальныхъ войтахъ и о старостахъ, свидѣтельствуютъ о томъ, какъ серьозно и самостоятельно авторъ относился къ избранному предмету, какъ не устрашали его трудности, встрѣчаемыя на пути изслѣдованій. Мѣткими своими соображеніями г. Будановъ доказываетъ, какъ глубоко проникаетъ онъ въ предметъ. Относясь съ полнымъ уваженіемъ къ выводамъ автора, мы позволимъ себѣ оцѣнить подробнѣе, на сколько они справедливы и основательны.

Что касается провинціальнаго войта (advocatus provincialis) въ Силезіи, его значенія въ общемъ государственномъ устройствѣ, предѣловъ его судебной власти, мы бы со Штенцелемъ возразили автору, предполагающему будто этотъ институтъ получилъ опредѣленныя границы, что много остается еще недоумѣній относительно

круга его дѣйствія. Впрочемъ, по приведеннымъ двумъ грамотамъ (47 стр.) становится яснымъ, что провинціальному войту принадлежитъ высшій судъ по уголовнымъ дѣламъ надъ всѣми жителями округа, надъ вассалами, феодалами, землянами, поселенцами и земледѣльцами. Предполагать бы можно, что такой же самый провинціальный войтъ находится и въ собственно польскихъ областяхъ. Авторъ справедливо замѣчаетъ, что въ Польшѣ названіе провинціальный войтъ встрѣчается только въ памятникахъ, относящихся къ устройству городовъ, какъ видно изъ грамоты, данной Кракову и Сандомиру. Въ актахъ, относящихся въ общему государственному устройству, мы не находимъ войта подъ собственнымъ его названіемъ, говоритъ г. Будановъ, а такъ какъ существованіе не подлежитъ никакому сомнѣнію, то мы должны искать его подъ другимъ именемъ. Перемѣна названія, по мнѣнію автора, произошла отъ того, что нѣмцы колонисты называли его войтомъ провинціальнымъ, ибо названіе это было знакомо имъ еще въ ихъ прежнемъ отечествѣ; въ государственныхъ же грамотахъ провинціальному войту усвоено латинское названіе procurator и польское wielkorządca (впослѣдствіи его замѣнило знакомое и привычное для славянъ названіе старосты).

Результатъ соображеній г. Буданова слѣдующій: провинціальные войты называются въ актахъ, относящихся къ общему государственному устройству — прокураторами, а впослѣдствіи старостами, или—такъ какъ по другимъ выводамъ автора (48 стр.) прямыми наслѣдниками провинціяльныхъ войтовъ были городовые старосты, то слѣдовательно провинціальные войты замѣнились старостами. Вотъ главный выводъ, которымъ рѣшается запутанный, темный вопросъ о судьбахъ провинціальныхъ войтовъ и о происхожденіи института старостъ, надъ разъясненіемъ котораго тщетно до сихъ поръ трудились ученые изслѣдователи, между прочимъ и Лелевель.

Какъ ни утѣшительна каждая правдоподобная гипотеза, вообще каждая попытка рѣшить вопросъ по предмету неразгаданному, какъ ни остроумны соображенія г. Буданова, мы однако убѣждены, что предположенія автора не найдутъ себѣ послѣдователей. Мы первые осмѣливаемся положительно противорѣчить выводамъ и соображеніямъ касательно провинціальнаго войта и старостинскаго уряда, основывая наше отрицаніе на слѣдующихъ доказательствахъ.

Мы не видимъ никакой нужды искать въ актахъ, относящихся

къ государственному праву, войта провинціальнаго подъ другимъ названіемъ, такъ какъ авторъ не привелъ причинъ, по которымъ можно было бы предполагать, что имя одного учрежденія перешло въ другое. Что могло дать поводъ къ такому преобразованію? Намъ кажется, что, по требованіямъ строгаго историческаго метода, нельзя безъ основательныхъ причинъ оставлять слѣды одного учрежденія, сохранившіеся въ названіи, и перескакивать къ слѣдамъ другаго учрежденія и соединять ихъ вмѣстѣ. Если авторъ полагаетъ, что имя провинціальный войтъ встрѣчается въ негородскихъ актахъ (т. е. по государственному праву) подъ названіемъ прокуратора, замѣненнымъ въ послѣдствіи славянскимъ именемъ староста, то онъ не обратилъ вниманія на то, что названіе это, равно какъ и должность прокуратора, едва ли не старше самого провинціальнаго войта, такъ какъ она восходитъ къ XI вѣку за сто лѣтъ до введенія нѣмецкаго права. Изъ трехъ отдѣльныхъ, строго различающихся между собою учрежденій г. Будановъ сложилъ одно и въ одномъ учрежденіи соединилъ три особыя должности. Провинціальный войтъ существовалъ и далѣе независимо отъ прокуратора, прокураторъ же независимо отъ старосты. О прокураторѣ нечего намъ много распространяться, такъ какъ уже Бантке [1]) сказалъ о немъ все существенное. Procurator arcis Cracoviensis, Magnus procurator terrae Cracoviensis, Wielkorządca Zamku Krakowskiego, Ziemi Krakowskiej занимался сборомъ королевскихъ доходовъ въ королевской землѣ и завѣдывалъ королевскими имуществами. У него была своя юрисдикція — свой собственный прокураторскій судъ. Такихъ прокураторовъ генеральныхъ для одной или нѣсколькихъ областей мы встрѣчаемъ въ XIV столѣтіи при Казимірѣ Великомъ [2]) и многочисленныя ихъ подписи въ грамотахъ и судебныхъ актахъ у Гельцеля [3]).

Но очевидно, что должность прокуратора не возникла въ XIV столѣтіи; она относится къ первоначальному государственному устройству, такъ какъ вѣроятно были отдѣльныя должностныя лица при королевскомъ или княжескомъ дворѣ, которыя завѣдывали княжескими имуществами и доходами. Такимъ управителемъ, по нашему мнѣнію, былъ при Лешкѣ, князѣ Куявскомъ, къ XII столѣтіи († 1185), нѣкто Жирославъ, о которомъ упоминаетъ Вп-

---

[1]) Historya Prawa Polskiego str. 349.

[2]) Cd. Pol. III p. 252, 253.

[3]) Starodawne pomniki Pr. Pol. II томъ.

кентій Кадлубекъ (... Interium illi Lestconis *procuratorem* ac militiae principem, cujus providentia totus illius regebatur principatus.... Lib. IV. XIII). Прокураторская должность при княжескомъ дворѣ (Magnus Procurator или generalis) напоминаетъ намъ подобную должность палатнаго мера въ меровингскомъ государствѣ, ибо маіоръдомъ завѣдывалъ тоже бенефиціальными землями меровингскаго короля. Такіе прокураторы встрѣчаются въ грамотахъ XIII столѣтія, 1235 г. въ Великой Польшѣ Peregrinus procurator ducis [1]) — 1247 г. Henricus procurator domini ducis [2]), 1254 въ Мазовіи Cholo procurator ducis [3]) и многіе другіе. Не подлежитъ никакому сомнѣнію, что должность великаго прокуратора Краковскаго образовалась изъ учрежденія, относящагося къ отдаленнымъ временамъ польскаго государственнаго устройства, и существовала до послѣднихъ временъ политической жизни Польши.

Мнѣніе наше мы основываемъ на словахъ королевской грамоты 1515 Сигизмунда I, назначающаго въ Краковѣ прокуратора: такого-то procuratorem generalem Cracoviensem constituimus et omnes proventus nostros, quos procurator generalis Cracoviensis providere et colligere solet, gubernandum et administrandum damus et concedimus.... и обращаясь ко всѣмъ подчиненнымъ лицамъ, mandavimus vobis quatenus.... honorem debitum impendatis ac de proventibus ad huiusmodi officium procurationis *antiquitus* spectantibus eidem respondeatis [4]) Такое же самое объясненіе прокураторской должности даетъ Кромеръ въ описаніи Польши [5]).... Solus omnium Cracoviensis praefectus licet amplissimam jurisdictionem habeat, tamen sartorum, tectorum arcis et redituum principis curam non habet. Est enim *magnus procurator* ejus arcis, qui utrumque hoc onus sustinet....

Кромѣ Краковскаго прокуратора были еще впослѣдствіи прокураторы Великой Польши въ Познани [6]). Въ актахъ встрѣчаются прокураторы отдѣльныхъ земель или областей Куявской, Мазовецкой, Сандомирской, о которыхъ справедливо упоминаетъ г. Буда-

---

[1]) Cd. Maj. Pol. 15 стр.

[2]) Ibid. 32 стр.

[3]) Cd. Masov. p. 17.

[4]) Грамота, хранящаяся въ Главномъ Архивѣ Царства Польскаго Metryka Koronna кн. 29, стр. 205.

[5]) Cd. Elzev 126 стр.

[6]) Cromer ibid.

новъ. Что объ должности провинціальнаго войта и прокуратора существовали независимо одна отъ другой и такимъ образомъ не могли перейти одна въ другую, это подтверждаютъ выраженія грамотъ XIV и послѣдующаго столѣтій. Въ документѣ 1325 г. [1]), относящемся къ устройству города Солецъ по нѣмецкому праву, упоминаются и прокураторъ и войтъ провинціальный. Noster *procurator* aut *provincialis advocatus* nonnisi in tribus magnis judiciis intra annum penes.... hereditarium advocatum praesens erit и еще нѣсколько разъ. Въ грамотѣ, данной городу Всховѣ Казиміромъ III 1349, coram nostro *capitaneo* (слѣдовательно староста отдѣляется отъ провинціальнаго войта) vel burgravio sev *provinciali advocato* [2]). Въ исходѣ XIV столѣтія, когда уже нерѣдко упоминаются старосты, когда уже утвердился старостинской урядъ, въ чемъ не сомнѣвается и самъ авторъ монографіи «о нѣмецкомъ правѣ въ Польшѣ и Литвѣ», независимо отъ нихъ являются въ грамотахъ провинціальные адвокаты. Реппель приводитъ документъ [3]) начинающійся слѣдующими словами: Nos Nicolaus Carnifex *Judex provincialis* subrogatus nec non septem scabini.... ad nostram presenciam videlicet ad *iudicium provinciale*. Въ Коронной Метрикѣ [4]) отыскали мы судебную грамоту, въ которой находятся очевидные слѣды существованія провинціальныхъ адвокатовъ, и въ XVI столѣтіи. Nos Jacobus Radwan Advocatus Juris Supremi Magdeburgensis Castri Sanocensis una cum septem Juratis. Адвокатъ Высшаго Суда по нѣмецкому праву никто иной какъ только провинціальный войтъ (какъ это будетъ доказано ниже).

Приведенные доводы, о которыхъ мы сочли неизлишнимъ говорить на этомъ мѣстѣ, такъ какъ вопросъ о провинціальныхъ войтахъ до сихъ поръ еще не былъ разбираемъ въ литературѣ (исключая мимоходные намеки Реппеля ibid. l. c.), опровергаютъ, по нашему мнѣнію, предположенія г. Буданова и убѣдительно говорятъ въ пользу того, что совершенно независимо другъ отъ друга существовали два учрежденія—провинціальныхъ войтовъ и прокураторовъ и оба они никогда не сливались, не переходили одно въ другое.

Въ виду такого несомнѣннаго факта, такого отдѣльнаго, неза-

---

[1]) Cod. Pol. II 2, стр. 656.

[2]) Wuttke Städteb. des Landes Posen 27 стр.

[3]) Ueber die Verbreitung des Magdeb. Stadtrechts 291 стр.

[4]) Кн. 28, 78 стр.

висимаго существованія провинціальныхъ войтовъ и прокураторовъ должны пасть всѣ соображенія г. Буданова, должно разрушиться само собою все построенное на шаткомъ или фиктивномъ основаніи. Мы не будемъ опровергать выводовъ, опирающихся на разрушенномъ фундаментѣ, коль скоро мы разъяснили вопросъ въ его принципѣ. Ленный характеръ, которымъ авторъ надѣляетъ провинціальнаго войта, проливаетъ невѣрный свѣтъ и на положеніе прокуратора, уже по тому одному, что г. Будановъ смѣшалъ его съ провинціальнымъ войтомъ (стр. 38, 39, 40, 41).

Окончивъ статью о провинціальныхъ войтахъ, учрежденіи, тѣсно связанномъ съ введеніемъ нѣмецкаго права въ Польшѣ, авторъ тщетно берется доказать, что власть войтовъ перешла мало по малу въ старостинскую должность, что прямыми наслѣдниками власти провинціальныхъ войтовъ были городовые старосты.

Положеніе такое окажется неосновательнымъ, если мы вспомнимъ только-что поясненное нами обстоятельство, что учрежденіе провинціальныхъ войтовъ осталось въ живыхъ и что слѣдовательно не могло завѣщать своего круга дѣятельности другому учрежденію. Но такою общею замѣткою ограничиться мы не можемъ, такъ какъ авторъ своими соображеніями поясняетъ неразгаданный еще польскими и нѣмецкими изслѣдователями вопросъ о происхожденіи старостинской власти и вводитъ такимъ образомъ въ литературу извѣстное уже, упомянутое нами предположеніе совершенно новое, именно, что провинціальныхъ войтовъ замѣнили старосты, слѣдовательно, что старостинскій урядъ образовался изъ началъ нѣмецкаго права.

Мы привели выше отрицательные доводы, теперь предлагаемъ вниманію автора наши положительные намеки, и пользуемся случаемъ, чтобы довести до свѣденія ученыхъ свидѣтельства, которыя могутъ послужить исходною точкою удовлетворительному рѣшенію вопроса о происхожденіи старостинской власти.

Авторъ справедливо замѣчаетъ, что названіе староста общеизвѣстно во всѣхъ краяхъ славянскаго міра. Слово это въ первый разъ упоминается въ нѣмецкомъ памятникѣ польскаго права съ исхода XIII столѣтія [1]) der idilste in dem dorfe d. h. der starosta oder vlodir и обозначаетъ старѣйшаго старца, голову, управителя. Такіе хозяй-

---

[1]) Открытый Сѣраковскимъ въ Эльбингѣ, напечатанный во II-мъ томѣ у Гельцеля, стр. 8. Изданный во второй разъ Фолькманомъ, Dr. Ed. Volkmann Das älteste geschriebene polnische Rechtsdenkmal. 1869.

ственные управители завѣдывали собственными королевскими или княжескими имуществами; ихъ отыскать можно уже при Болеславѣ I у Мартина Галла въ томъ мѣстѣ, гдѣ лѣтописецъ упоминаетъ о королевскихъ villicis ac vicedominis [1]), которые въ государственныхъ грамотахъ встрѣчаются подъ именемъ procuratores, завѣдывавшіе же духовными имуществами vicedomini, какъ извѣстно, назывались procuratores прокураторами.

Польское названіе староста перешло въ латинскихъ актахъ въ прокуратора. Такого управляющаго, прокуратора, мы часто видѣть можемъ между свидѣтелями въ грамотахъ, которыя давались князьями: они не рѣдко являются при княжескомъ дворѣ. Самый главный въ столичномъ городѣ Краковѣ, котораго вѣдомству подлежитъ Краковская земля, называется, какъ мы уже видѣли, Procurator generalis, или Magnus Procurator, въ отличіе отъ другихъ провинціальныхъ. Въ доказательство нашего мнѣнія мы приводимъ синодальную конституцію гнезненскаго архіепископа 1326 г, изъ которой яснымъ становится, что прокураторы занимались не только управленіемъ княжескихъ имуществъ, но и сборомъ разныхъ княжескихъ налоговъ въ пользу княжеской казны.... prohibemus ne aliqui principes.... ac.... et procuratores seu officiales eorum vel milites et quicunque domini alii temporales decimas de cetera occupent seu occupari mandant и т. д. [2]).

Но спрашивается теперь, въ какой связи находятся такъ называемые старосты, какимъ образомъ присвоено имъ латинское названіе capitanei, какимъ образомъ пріобрѣли они характеръ государственной должности? Голова, староста, отвѣчаемъ мы на первый вопросъ, довольно вѣрно отражается въ латинскомъ названіи capitaneus: надъ низшими прокураторами отдѣльныхъ имуществъ былъ главный прокураторъ, главный староста, capitaneus. Что такое было ихъ іерархическое отношеніе, поясняется грамотою Казиміра Великаго 1368. Item de mandato domini Regis statuimus quod nullus Capitaneorum sive procuratorum videlicet in terra Cracoviensi, Sandomiriensi, Syradiensi, Lanciviensi, Cujaviensi, Dobriensi, Russiae ac aliarum omnium tenutarum alio modo non debet vivere in tenutis regalibus nisi tantummodo de laboribus agrorum aliodiorum (sic) poenarum, molendinorum, lignorum de-

---

[1]) Mart. Gall. ed. Varsov. cap. XV. Solebat Boleslaus.... suis villicis ac vicedominis....

[2]) Helcel Starodawne prawa polskiego pomniki т. I 402 стр.

cimorum sub pocna colli ac omnium bonorum. Et omnes proventus censuales et exactionum integraliter domino Regi debet praesentare ad thesaurum.... И другая статья: Sin autem contingerit, quod dominus Rex veniet visitando suos Capitaneos ac procuratores, tunc idem (sic) tenutarii in statione regali de alodiis tenentur ac debent domini Regi omnia necessaria ministrare etc. [1]).

По приведенному свидѣтельству, не подлежитъ сомнѣнію, что управители королевскихъ имуществъ занимались сборомъ податей и налоговъ, которые они передавали въ главную государственную казну (ad thesaurum Regis). Въ удѣльныхъ княжествахъ, напр., Куявскомъ, занимаются Capitanei, т. е. старосты, такими же дѣлами. Владиславъ, князь Куявскій, 1381 г. торжественно обязывается возвратить несправедливо взысканные налоги съ церковныхъ людей Плоцкаго епископства: Dampna vero hominibus eisdem per Capitaneos nostros predictos et eorum complices in exactione dicte collecte illata iidem Capitanei nostri in proximis terminis generalibus.... hominibus ecclesie ante dictis.... reddere et solvere.... Pro qua satisfaccione dampnorum per Capitaneos facienda predictos eciam nos obligamus [2]).

Такія же самыя обязанности лежали на старостахъ, когда они окончательно утвердились и заняли столь важное мѣсто въ государственномъ устройствѣ. Но кругъ дѣйствія старостъ, какъ извѣстно, расширялся значительно уже въ исходѣ XIV столѣтія, такъ что они замѣнили собою отчасти власть воеводскую, главнымъ же образомъ каштелянскую. Подъ вѣдѣніемъ старостъ находились укрѣпленные замки въ значительныхъ городахъ: уяснить себѣ не трудно, какъ они, въ качествѣ главноуправляющихъ королевскими имуществами и въ характерѣ сборщиковъ податей и налоговъ, засѣли въ главныхъ городахъ, какъ въ самыхъ удобныхъ центрахъ административнаго и финансоваго управленія. Но несомнѣнно труднѣе уразумѣть, какимъ образомъ перешла въ руки старостъ значительная отрасль правосудія — власть уголовная въ подчиненномъ имъ округѣ. Она не имѣетъ никакой связи съ должностію провинціальнаго войта по нѣмецкому праву и не могла быть наслѣдована отъ войтовъ, какъ предполагаетъ г. Будановъ, ибо войтовое учрежденіе сохранилось современно и совмѣстно и относилось къ совершенно другому кругу дѣйствій. Объясняя этотъ темный вопросъ,

---

[1]) Ibid 226 стр.

[2]) Cd. Mas. 96 стр.

мы не можемъ не воспользоваться указаніями Лелевеля, который, не имѣя подъ рукою извѣстнаго намъ теперь матеріяла, смотрѣлъ довольно точно на начало старостинской власти. Мнѣніе Лелевеля, въ извѣстной степени достовѣрное, приводитъ г. Будановъ, чтобы опровергнуть оное своими предположеніями.

«Къ періоду времени, говоритъ Лелевель, обнимающему правленіе Людовика, междуцарствіе и правленіе Ягеллоновъ, можно отнести возвышеніе значенія старостъ и ихъ судовъ. Королямъ нужно было уполномочить своихъ старостъ къ исполненію разныхъ общественныхъ порученій: собирать подати, преслѣдовать преступниковъ, наблюдать за порядкомъ въ повѣтѣ было поручено старостамъ, которые въ то время были болѣе вѣрными слугами, чѣмъ урядники сенаторскаго званія. Старостамъ поручено было рѣшеніе разныхъ уголовныхъ дѣлъ, они завѣдывали городомъ, а каштеляны должны были или сдѣлаться старостами въ своихъ городахъ, или уступить старостамъ уголовное судопроизводство». Ко мнѣнію Лелевеля, чтобы оно сдѣлалось болѣе достовѣрнымъ, слѣдуетъ прибавить нѣкоторыя замѣчанія и привести новыя доказательства въ его подтвержденіе.

Мы смѣшивать не станемъ старостъ (настоящихъ) позднѣйшаго времени съ капитанами, встрѣчаемыми въ грамотахъ при Венцеславѣ Чешскомъ и др. Павелъ изъ Паульштейна, называющійся [1]) Capitaneus Regni Poloniae, родъ королевскаго намѣстника цѣлаго края за отсутствіемъ короля. И одного этого примѣра достаточно, чтобы догадаться, что существуетъ извѣстная связь между намѣстникомъ и позднѣйшими старостами, замѣнявшими собою или полную власть королевскую, или только извѣстную ея часть, во всей землѣ или только одной ея области. Янославъ — Гнезненскій архіепископъ названъ въ грамотѣ 1320 [2]) намѣстникомъ Брестской и Радзеевской земель. Въ другомъ документѣ говорится, что если случится апеляція къ княжескому двору, то дѣло разсматривать будетъ за отсутствіемъ князя его намѣстникъ Capitaneus [3]). Дѣла эти были по большей части важныя, уголовныя. Вотъ ясныя

---

[1]) Cd. Pol. I, 173 стр.

[2]) Cd. Pol. II, 1. 216 стр. Janislaus Gnesn. eccl. archiepiscop et capitaneus terre Brestensis.

[3]) Ibid. II. 2. 658 стр. Sin autem nos morari extra terram contigerit, extunc Thomasius presignatus, quemcunque Capitaneum loco nostro in terra nostra substitueremus, ad illum predicta causa deferatur.

указанія, чтобы уразумѣть переходъ власти къ старостамъ, такимъ, которые въ болѣе значительномъ числѣ ставились отъ королевскаго имени, или которымъ поручалась за отсутствіемъ короля (по отдаленности мѣста отъ пребыванія двора) часть высшей судебной уголовной власти.

Предположеніе такое подкрѣпляется слѣдующими свидѣтельствами грамотъ: 1346. Coram nobis vel nostris Capitaneis respondere tenetur et hoc per nostrum anulum vel nostri Capitanei evocatus seu citatus exstitit [1]); или же 1347 «nisi coram nobis vel nostro Capitaneo» [2]).

Начала старостинскаго учрежденія проявляются уже въ Вислицкомъ Статутѣ 1347 г, въ одной его (Велико-Польской) части.

Тамъ упоминаются старосты, замѣнявшіе собою судъ королевскій или уголовный, stem [3]) statuimus, quod si in nostru praesentia vel coram nostro Capitaneo vel quando generales termini teneutur etc.

Statuimus [4]), quod si aliquis coram Nobis vel Nostro Capitaneo de aliquo crimine vel maleficio fuerit accusatus et ad ostendendam suam innocentiam per Nos vel nostrum Capitaneum non fuerit admissus.

Statuimus [5]) quod si in causis criminalibus in absentia accusantis seu actoris cujus interest Nos vel nostri successores aut Capitanei nostri cognoseere non debemus, nec aliquem hominem condemnare nisi convictum judicio et confessum — и другія.

По приведеннымъ доказательствамъ слѣдуетъ исправить мнѣніе Лелевеля на столько, что утвержденіе старостинской власти восходитъ уже ко временамъ Казиміра III, къ половинѣ XIV столѣтія, такъ какъ одновременно въ грамотахъ встрѣчаются имена старостъ въ отдѣльныхъ областяхъ въ Добржинской, Куявской, Спрадзской, Саноцкой, Сандецкой [6]).

Старосты, въ качествѣ управителей королевскихъ имуществъ и сборщиковъ податей, первоначально пользовались извѣстною су-

---

[1]) Ibid. II. 1. 274 стр.
[2]) Ibid. II. 1. 276 стр. и другія. Cd. Masov. 63. 77 стр.
[3]) Vol. leg. T. I, 42 стр.
[4]) Ibid. 48 стр.
[5]) Vol. leg. 51 стр.
[6]) 1348. Johannes Capitaneus Dobrzinensis. Cd. Pol. II. 2. 704 стр.
1347. Jarandus Capitaneus Syradiensis ibid. II. 1. 276 стр.
1351. Predborius Cujaviae Capitaneus ibid. II. 1. 296 стр.
1352. Petrus Capitaneus de Sanok ibid. I. 206 стр.
1348. Wyczga Capitaneus Sandecensis ibid. III. 254 стр.

дебною властью, которая расширялась, когда давались имъ судебныя порученія отъ королевскаго имени въ дѣлахъ высшей важности. Такимъ путемъ изъ незначительныхъ начатковъ выросла судебная власть старостъ, изъ управителя королевскихъ имуществъ староста сдѣлался государственнымъ должностнымъ лицемъ. Мы не осмѣливаемся переходить за предѣлы рецензіи и для этого уже не беремся разъяснять другихъ соприкасающихся вопросовъ о старостинской власти [1]).

Изъ всего вышеприведеннаго явствуетъ, что провинціальные войты и старостинская должность—два совершенно разныя учрежденія; о-бокъ съ старостинскою должностію въ Краковѣ развилась должность Великаго прокуратора—третье учрежденіе, представляющее впрочемъ только отпрыскъ отъ главнаго начала:—три отдѣльныя учрежденія, которыя г. Будановъ слилъ въ одно общее.

Желая показать, что столь важное въ польскомъ государственномъ правѣ учрежденіе, какимъ былъ старостинскій урядъ, развилось изъ началъ, введенныхъ нѣмецкими правами, авторъ въ то же самое время замѣчаетъ, что именно и нѣмецкое право способствовало самымъ рѣшительнымъ образомъ утвержденію въ Польшѣ германскихъ понятій *ленная права*, которое, какъ извѣстно, развилось въ германскомъ мірѣ вслѣдствіе смѣшиванія частнаго права съ государственнымъ, — что̀ и составляетъ характеристическую черту всего средневѣковаго развитія западныхъ Европейскихъ государствъ. Соображеніе такое въ извѣстной степени справедливо, началами старостинскаго учрежденія оно, какъ мы выше видѣли, не поясняется. Доля истины въ выводахъ г. Буданова найдется безъ сомнѣнія. Понятія ленныя проникали въ самомъ дѣлѣ въ Польшу изъ Чехіи и Силезіи, но не въ такой мѣрѣ, какъ предполагаетъ авторъ, который по этому поводу прибавляетъ къ статьѣ своей объ учрежденіяхъ по нѣмецкому праву (о войтовствахъ) нѣсколько

---

[1]) Такъ какъ г. Будановъ, серьезно занявшись избраннымъ предметомъ, доказалъ, что питаетъ къ оному живой интересъ, то мы надѣемся, что онъ не посѣтуетъ на насъ, если мы предложимъ его вниманію наши намеки относительно перехода судебной власти каштелянъ къ старостамъ. Въ началѣ XIV столѣтія вездѣ уже шляхетское сословіе пользуется правомъ собственнаго суда гражданскаго (judicia terrestria — земскіе суды), въ который избирались изъ шляхетской среды земскіе судьи—уголовный же судъ (Blutbann), служащій по преимуществу выраженіемъ высшей государственной власти,короли сохранили за собою, назначая въ оный судей отъ своего имени — городовыхъ старостъ (Capitanei castrenses).

замѣчаній относительно феодализма въ Польшѣ. Мы не послѣдуемъ мнѣнію автора, доказывающаго, въ опроверженіе Мацѣевскаго, что польскій государственный строй проникнутъ былъ феодальнымъ характеромъ и духомъ, потому что не встрѣчаемъ одного существеннаго признака въ ленномъ порядкѣ: зависимаго леннаго владѣнія; такого по большей части не существовало: преобладательною формою землевладѣнія была и осталась аллодіальная собственность. Намъ кажется, что авторъ слишкомъ увлекается отношеніями, которыя развились въ онѣмеченной Силезіи. Руководясь аналогіею, г. Будановъ цѣликомъ переноситъ силезскія учрежденія Ландфогтовъ и Гауптмановъ въ государственное устройство Польши, и вообще не проводитъ строгой грани между чисто германскими началами и основаніями, которыя развились своеобразно на почвѣ польскаго государственнаго права.

Сводимъ теперь къ общему итогу наши возраженія.

Предполагаемъ, что намъ удалось въ извѣстной степени сгладить рѣзкость первой части положенія г. Буданова и нѣкоторымъ образомъ отнять силу второй части того же положенія — именно положенія о послѣдствіяхъ нѣмецкаго права — будто оно ослабило княжескую власть въ Польшѣ, лишивъ ее большей части финансовыхъ правъ и утвердивъ воззрѣнія, заимствованныя изъ частнаго права, на судебную и административную власть.

III.

Отъ учрежденій, возникшихъ по нѣмецкому праву (войтовства), авторъ, держась строгой систематичности, переходитъ къ уясненію ближайшаго вопроса, т. е. отношеній, которыя произошли между частными землевладѣльцами, получившими судебную и административную власть и поселенцами на ихъ землѣ. Судебная власть досталась въ руки частныхъ землевладѣльцевъ; они ставили для судопроизводства своихъ войтовъ или солтысовъ, которымъ содѣйствовали въ рѣшеніи судебныхъ дѣлъ избранные общиною скабины или лавники. Спрашивается, какія же гарантіи существовали для обезпеченія самостоятельности и независимости такого общественнаго суда? Вопросъ, который задалъ себѣ авторъ въ приведенной формѣ, слѣдуетъ считать весьма умѣстнымъ. Войты или солтысы стремились къ независимости на томъ основаніи, что они получали свою судебную власть обыкновенно наслѣдственно и могли пере-

давать ее посредствомъ продажи другимъ лицамъ, впрочемъ только съ согласія землевладѣльца. Желая пріобрѣсти самостоятельность, они покупали права отъ своихъ пановъ—такъ что въ извѣстныхъ областяхъ достигли опредѣленной самостоятельности, въ другихъ же частяхъ (авторъ называетъ ихъ восточными) встрѣчаемъ явленіе противоположное: паны скупили войтовства и сами заняли ихъ мѣсто, сдѣлавшись судьями въ своихъ имуществахъ. Такой былъ послѣдній результатъ развитія — солтыство клонилось къ совершенному упадку. Авторъ поясняетъ судьбы солтыства словами Кромера, описывавшаго состояніе Польши во второй половинѣ XVI столѣтія 176 стр. «Народъ по селамъ имѣетъ собственные суды, самые простые, которые совершаются безъ *торжественности* и *судебной формальности*, войтами и лавниками или солтысами....» Мы удивляемся, для чего авторъ не привелъ и другаго указанія того же писателя — такъ какъ оно уравновѣшиваетъ нѣкоторымъ образомъ первое приведенное указаніе: «Солтысы и войты, говоритъ Кромеръ, имѣютъ еще свои отдѣльные суды въ извѣстныхъ [1]) мѣстностяхъ, отъ которыхъ идетъ апеляція въ высшій судъ по нѣмецкому праву», слѣдовательно намекается на отдѣльныя собранія разныхъ войтовъ для совѣщанія въ сомнительныхъ случаяхъ судопроизводства. Слѣдовало бы автору обратить вниманіе на обстоятельство, показывающее, что солтысами предпринимались мѣры для обезпеченія точности, добросовѣстности въ судопроизводствѣ и слѣдовало бы показать, въ какихъ учрежденіяхъ сохранились слѣды такой заботливости солтысовъ.

Мы впрочемъ согласны съ тѣмъ, что пришло время, когда подъ вліяніемъ самовластія землевладѣльцевъ общинный судъ терялъ свою самостоятельность и дѣлался орудіемъ насилія, котораго ограничить не было въ состояніи и другое съ солтыствомъ связанное учрежденіе — присяжныхъ шеффеновъ или лавниковъ.

Кромѣ судебной власти, землевладѣлецъ, переносящій свое имѣніе съ польскаго на нѣмецкое право, получалъ еще отъ князя или короля право на извѣстныя выгоды, которыми князья пользовались до устройства деревни на нѣмецкій ладъ.

Въ чемъ состояли эти выгоды, перешли ли онѣ съ нѣмецкимъ правомъ всѣ или только извѣстная часть, замѣнили ли частные

---

[1]) Cromer ed. Elser. 170 стр. Habent et sculteti sive advocati haereditarii in pagorum et oppidorum nonnulis in locis *inter se* pecularia judicia.

владѣльцы вполнѣ мѣсто прежняго верховнаго князя или же уменьшились подати, налоги и повинности сельскихъ поселенцевъ и въ какой мѣрѣ? Такіе вопросы возникаютъ въ умѣ изслѣдователя сами собою, коль скоро приходится ему оцѣнить послѣдствія, происшедшія отъ измѣнившагося по нѣмецкому праву быта сельскихъ поселянъ.

Отвѣтъ автора дастъ ясное понятіе о новыхъ отношеніяхъ поселенцевъ по нѣмецкому праву: они ничего не выиграли; напротивъ нѣмецкое право отъ личной свободы и самостоятельности повело ихъ въ скоромъ времени къ крѣпостному состоянію. Что такой былъ въ самомъ дѣлѣ послѣдній результатъ, въ томъ нѣтъ никакого сомнѣнія. Спрашивается только, что̀ способствовало такому развитію, было ли нѣмецкое право первою и главною причиною такихъ послѣдствій?

Въ нѣмецкомъ порядкѣ, говоритъ авторъ, заключались сѣмена будущаго крѣпостнаго права: издѣльная повинность (панщина) принадлежала къ первоначальнымъ условіямъ нѣмецкаго права. Отношенія поселенцевъ къ частнымъ землевладѣльцамъ, какъ извѣстно, опредѣлились слѣдующимъ образомъ:

Поселенцы должны были или въ пользу короля или въ пользу землевладѣльца уплачивать извѣстный денежный чиншъ.

При томъ съ нихъ собирались экстраординарные налоги (exactiones), слѣдовательно все осталось въ прежнемъ положеніи.

Но съ введеніемъ нѣмецкаго права — предполагаетъ г. Будановъ, возникла и издѣльная повинность, которая съ дальнѣйшими послѣдствіями привела поселянъ къ крѣпостному состоянію. Авторъ имѣетъ въ виду грамоту 1435 г., въ которой обозначены подробно повинности крестьянъ въ пользу монастыря:—они должны пахать, засѣвать поля, косить луга монастырскіе и пр. На основаніи одной этой грамоты авторъ обобщаетъ отношенія всѣхъ другихъ поселянъ во всѣхъ областяхъ. Въ самомъ дѣлѣ встрѣчаются еще и многія другія грамоты, въ которыхъ общими словами упоминается, что крестьяне должны пахать землю своего владѣльца-господина. Поэтому мнѣніе г. Буданова не лишено основательности. Но спрашивается, была ли такая панщина принадлежностью новаго порядка, введеннаго нѣмецкимъ правомъ? Князья, давая независимо отъ нѣмецкаго права разныя льготы и преимущества частнымъ землевладѣльцамъ (монастырямъ), выговаривали себѣ иногда одну повинность, чтобы поселенцы пахали ихъ землю (княжескую): Ex villis, quae sunt propinquiores nostrae curiae duos dies infra an-

num, singulis annis unum, scilicet tempore messi ad metendum et hinc in horreo reponendum, alium ad falcandum et in allodio ordinandum sunt adstricti [1]).

Съ другой же стороны — въ сборникахъ очень часто попадаются грамоты на нѣмецкое право, въ которыхъ поселенцы частновладѣльческихъ имуществъ освобождаются совершенно отъ всѣхъ повинностей по польскому праву, за исключеніемъ только поземельнаго чинша и экстраординарныхъ налоговъ. Въ этомъ именно состояли льготы, предоставленныя или колонистамъ Нѣмцамъ или туземному населенію, переходившему подъ нѣмецкое право. De quolibet manso, говоритъ князь Земовитъ Мазовецкій 1368 г., culto et locato per duodecim grossos pragenses.... singulis annis perpetuis temporibus Incolae praedictarum villarum nobis et nostris successoribus solvere tenebuntur. In cuius recompensam volumus, quod ab omnibus solutionibus, laboribus et vexacionibus universis Iuris polonicalis Incolae villarum iam dictarum sint soluti et exemti.... Absolvimus insuper Incolas.... ab omnibus laboribus nostris [2]) 1382 и др.

Оба приведенныя нами обстоятельства, одно, что поздѣльная повинность существовала независимо отъ нѣмецкаго права, другое, что нѣмецкое право часто освобождало поселенцевъ отъ такой повинности — не должны быть теряемы изъ виду, когда слѣдуетъ отчетливо уяснить себѣ свойства перемѣны, вызванной введеніемъ нѣмецкаго права. Изслѣдователь долженъ, какъ намъ кажется, оцѣнить, на сколько одно отношеніе было частнымъ или общимъ, и подъ вліяніемъ какихъ обстоятельствъ перемѣнилось оно и переходило въ общее, повсюду являвшееся положеніе. Мнѣніе г. Буданова объ поздѣльной повинности, основанное на словахъ грамоты, вполнѣ справедливо, но возраженіе наше опирается тоже на подлинныхъ документахъ. Чтобы уразумѣть постепенное умноженіе повинностей поселянъ, необходимо было бы указать, какъ этому содѣйствовала церковь, какой разнообразный видъ принимала налагаемая ею десятина, о которой авторъ упоминаетъ только вскользь, говоря впрочемъ основательно, что она была самою тяжкою изъ податей. Такія слѣдовательно отношенія, которыя образовались подъ вліяніемъ не одного лишь нѣмецкаго права, не опровергаютъ окончательнаго результата соображеній г. Буданова, но во всякомъ случаѣ намекаютъ на то, что существовали еще и другія

---

[1]) Cd. Pol. III, 66 стр.

[2]) Cd. Masov 79 стр. 1382, ibid. 98 стр.

причины, отъ коихъ произошли упомянутыя нами послѣдствія: другими словами, крѣпостное состояніе сложилось при условіяхъ еще и другаго рода.

Изложивъ въ какомъ видѣ первоначально нѣмецкое право опредѣлило въ Польскомъ королевствѣ права и взаимныя отношенія такъ называемыхъ земскихъ людей, т. е. землевладѣльцевъ и земледѣльцевъ, авторъ переходитъ къ разсмотрѣнію отношеній, образовавшихся въ городахъ по нѣмецкому праву. Главѣ этой предпосылаются общія замѣчанія о первоначальной исторіи германскихъ городовъ, для того, чтобы читатель имѣлъ въ виду одинъ главный выводъ г. Буданова, именно, что развитіе городоваго права въ Европѣ началось въ то время, когда общество состояло изъ двухъ рѣзко отдѣленныхъ классовъ — рыцарей и крестьянъ.

Общія замѣчанія имѣютъ цѣлью разъяснить нѣкоторые пункты, составляющіе предметъ слѣдующаго розысканія, а особенно же: 1) какъ возникло изъ общаго нѣмецкаго права право городовое (что совершилось въ Силезіи и отчасти въ собственной Польшѣ), 2) какъ устроились отношенія городовъ къ землѣ, 3) какими правами пользовались города и 4) какое въ нихъ образовалось внутреннее устройство.

Въ общихъ замѣчаніяхъ своихъ о возникновеніи и устройствѣ нѣмецкихъ городовъ авторъ руководился указаніями, впрочемъ совершенно точными Бартольда [1]), хотя въ серьезномъ ученомъ трудѣ г. Буданова намъ бы болѣе соотвѣтственнымъ авторитетомъ показался Арнольдъ [2]). Въ спеціальной части вышеприведенныхъ пунктовъ мы замѣчаемъ похвальную полноту источниковъ, основательность выводовъ. Авторъ смотритъ на земскія отношенія, на ихъ характеръ съ точки зрѣнія совершенно вѣрной; во всѣхъ вопросахъ по этому предмету обнаруживается самостоятельность выводовъ и соображеній, иногда пролагаются новыми взглядами пути до сихъ поръ едва ли извѣстные и разъясняются отношенія, доселѣ еще не разсмотрѣнныя. Къ такимъ удачнымъ соображеніямъ слѣдуетъ причислить главу, въ которой авторъ сопоставляетъ вліяніе, произведенное въ Германіи нѣмецкимъ правомъ на образованіе сословнаго отчужденія земскихъ классовъ (рыцарей и крестьянъ), съ результатами совершенно противоположными, происшедшими отъ такого же вліянія нѣмецкаго права въ Польшѣ. «Въ стра-

---

[1]) Geschichte der deutschen Städte und deutschen Bürgerthums. 1853.

[2]) Verfassungsgeschichte der deutschen Freistädte 2 T. 1854.

нахъ, гдѣ нѣмецкое право (не муниципальное), заключаетъ справедливо г. Будановъ, рано и рѣшительно измѣнило старый славянскій общественный строй на нѣмецкій (опредѣливъ права рыцарскаго сословія и поработивъ ему крестьянское), въ такихъ странахъ (Силезіи и отчасти собственной Польши) вліяніе собственно муниципальнаго права на рѣзкое раздѣленіе сословій, равно какъ и другія гибельныя послѣдствія его, не такъ замѣтны. Но въ странахъ, гдѣ нѣмецкое право (не муниципальное) дѣйствовало медленно и не непосредственно, муниципальное право застало еще славянскіе порядки почти не измѣненными и потому оказало свое вредное вліяніе съ особенною ясностью. Такъ оно именно подѣйствовало въ Литовско-Русскомъ государствѣ». Въ этомъ убѣдиться можно изъ слѣдующей статьи, въ которой г. Будановъ разсматриваетъ состояніе городовъ въ Литвѣ до введенія нѣмецкаго права, ихъ внутреннее управленіе и показываетъ, какія произошли новыя отношенія вслѣдствіе перенесенія въ Литву нѣмецкаго городоваго порядка.

Древне-славянскому міру чужда вообще рѣзкая граница между городомъ и остальною частью области. Городъ и волость составляютъ одно, ничѣмъ не раздѣленное цѣлое.

Такъ было у полабскихъ Славянъ, такъ было вѣроятно и въ Польшѣ въ первоначальную эпоху польской исторіи, ибо на то намекаетъ польское ополе (opole, vicinia). Авторъ, опредѣливъ точно значеніе ополя, на сколько оно намъ теперь извѣстно, несмотря на многія существующія по этому предмету недоумѣнія, ставитъ его въ связь съ устройствомъ, которое мы встрѣчаемъ въ Литовско-Русскомъ государствѣ до XVI столѣтія. Характеристическою чертою древне-русскаго городоваго устройства было, подобно тому какъ и у другихъ Славянъ, то, что оно не выдѣлялось изъ общаго земскаго устройства, что оно составляло съ устройствомъ всей земли одно цѣлое. Г. Будановъ обычной фразѣ—«Городъ ничѣмъ не отличался отъ деревни» придаетъ настоящее ея значеніе, указывая по грамотамъ (Акты Западной Руси), какіе были въ городахъ составные элементы, между которыми, какъ извѣстно, первенствующее мѣсто заняли бояре. Бояре слѣдовательно, вмѣстѣ съ другими жителями, купцами, и черными людьми, входятъ въ составъ одной нераздѣльной общины, подлежатъ одному вѣдомству и несутъ тѣже самыя повинности. Въ доказательство, что такой неразлучный союзъ города съ волостью существовалъ, приводится подробно содержаніе грамотъ, которыя исходатайствовали себѣ городъ и земля Смоленская,

равно какъ городъ и земля Витебская въ началѣ XVI столѣтія. Союзъ земскій, общинный разрушался, когда изъ Польши стали проникать начала западно-европейскія, когда въ боярахъ, побуждаемыхъ преимуществами польскаго шляхетскаго сословія, стало обнаруживаться стремленіе выдѣлиться изъ общаго земскаго состава.

Магдебургское или нѣмецкое право, вводимое въ городахъ, подкрѣпило такое стремленіе бояръ къ выдѣленію и окончательно содѣйствовало образованію отдѣльнаго городскаго сословія и устройства. Оно провело въ дальнѣйшихъ своихъ послѣдствіяхъ рѣзкую грань между сословіями и поставило ихъ во враждебное отношеніе.

Таковъ былъ общій результатъ введенія въ города Литовско-Русскаго государства нѣмецкаго городоваго порядка. Но чтобы отчетливо опредѣлить послѣдствія, происшедшія отъ введенія новыхъ учрежденій, должно прежде всего познакомиться съ этими учрежденіями и ихъ значеніемъ въ томъ государствѣ, изъ котораго они переносились въ другое.

Такими логическими основаніями оправдываются двѣ слѣдующія главы, въ которыхъ г. Будановъ знакомитъ читателя съ польскими городами, устроенными по нѣмецкому праву, разсматриваетъ права, которыми они пользовались, опредѣляетъ ихъ значеніе, и отъ внѣшней, такъ сказать, стороны переходитъ къ внутренней, разбирая городское управленіе и городскія учрежденія.

Предварительныя работы, особенно же упомянутый уже Меморіалъ о преимуществахъ и правахъ городскаго сословія, представленный четырехлѣтнему сейму, облегчили въ извѣстной степени г. Буданову рѣшеніе задачи; мы этимъ отнюдь не думаемъ умалять достоинства сочиненія, напротивъ, считаемъ долгомъ заявить, что авторъ добросовѣстно собралъ всѣ свѣдѣнія по избранному предмету, разбросанныя въ многотомномъ сборникѣ польскихъ законовъ (Volumina legum) и воспользовался ими соотвѣтственно требованіямъ строгаго критическаго метода.

Первый вопросъ, который мы себѣ задаемъ, когда идетъ рѣчь о значеніи городовъ въ польскомъ государственномъ устройствѣ, рѣшенъ авторомъ совершенно удовлетворительно. Какъ ни многочисленны были города въ Польшѣ, какъ ни богаты и многолюдны, они не выработались до того, чтобы подобно германскимъ имперскимъ городамъ принимать живое участіе въ государственной законодательной власти, принадлежавшей сеймамъ. Только за нѣкоторыми городами утвердилось право участвовать на сеймѣ, впро-

чемъ оно подвергалось извѣстнымъ ограниченіямъ и не было въ состояніи осуществляться на дѣлѣ въ виду преобладавшаго шляхетскаго сословія. Краковъ, Познань, Калишъ, Сандомиръ, Львовъ, Плоцкъ, Варшава, Люблинъ, Гродно, Вильно, Каменецъ-Подольскій отправляли въ сеймъ въ разныя времена своихъ депутатовъ, но въ теченіе времени число ихъ уменьшилось, такъ что въ XVII столѣтіи только четыре города пользовались правомъ представительства: Краковъ, Познань, Вильно, Львовъ. Изъ сеймовыхъ же актовъ оказывается, что названные города присылаютъ своихъ депутатовъ собственно только въ элекціонные сеймы, созываемые для избранія новаго короля [1]). Объ участіи городовъ въ сеймикахъ, или земскихъ совѣщаніяхъ, не встрѣчаемъ никакихъ указаній въ печатныхъ матеріалахъ; поэтому не удивительно, что авторъ не коснулся этого вопроса. Но въ Метрикѣ Коронной [2]) намъ случилось найти интересный намекъ на то, что города принимали иногда участіе въ земскихъ собраніяхъ шляхетскаго сословія. Въ Люблинской конституціи государственнаго сейма при королѣ Александрѣ постановляется, пригласить краковскихъ консуловъ въ краковское земское собраніе: Consules Cracovienses ad conventionem terrestrem Cracoviensis terrae suprascriptam duximus vocandos quatenus et ipsi decretis istinc futuris afficiantur. Впрочемъ на основаніи одного этого указанія мы не беремся опредѣлить, на сколько участіе въ шляхетскихъ собраніяхъ было общимъ или случайнымъ правомъ.

Судебная власть городовъ, какъ справедливо замѣчаетъ авторъ, особенно при столкновеніяхъ съ шляхетскимъ сословіемъ, не простиралася на шляхтичей. Отвѣтчикъ шляхтичъ отвѣчалъ передъ земскимъ судомъ — отвѣтчикъ мѣщанинъ передъ мѣщанскимъ. Всѣ выводы, сдѣланные г. Будановымъ касательно forum competens, безошибочны. Только въ извѣстныхъ случаяхъ позволяется городскому уряду судить шляхтича, когда важное преступленіе совершено въ предѣлахъ городскихъ стѣнъ, но не иначе какъ въ присутствіи городоваго старосты, который имѣетъ рѣшительный голосъ.

Впрочемъ намъ попадались въ Коронной Метрикѣ грамоты, да-

---

[1]) Стр. 128. Должно исправить малозначительный недосмотръ. — Авторъ перечисляя города, подписавшіеся на актѣ 1425 г. изъ одного сдѣлалъ два города: Всхову и Фрауштадтъ. Послѣднимъ именемъ обозначался у нѣмцевъ польскій городъ Всхова.

[2]) Кн. 22. стр. 66.

вавшіяся королями въ пользу городовъ, которыми предоставлялось городскимъ консуламъ право производить судъ надъ преступниками шляхтичами. Напримѣръ, такое преимущество получилъ городъ Калишъ. Сама привилегія однако показываетъ, что это право было только исключеніемъ. По поводу судебной власти городовъ г. Буда-новъ счелъ умѣстнымъ познакомить читателя съ апеляціонными судами для мѣщанскаго и шляхетскаго сословій. Уже рано, а именно въ XIV столѣтіи устроены для городовъ Казиміромъ В. высшій апеляціонный судъ въ Краковѣ и судъ шести городовъ (Jus supremum sex civitatum) въ качествѣ послѣдней инстанціи. Шляхетское же сословіе только при Стефанѣ Баторіи 1578 г. добилось учрежденія шляхетскаго высшаго судилища (трибунала).

Оба судебныя учрежденія, которыхъ составъ и устройство представляетъ авторъ, подчиняя своей компетентности лишь одинъ какой-либо изъ двухъ классовъ, не только легли препятствіемъ для взаимнаго ихъ сближенія, но даже содѣйствовали ихъ враждебному разъединенію. Такое же самое слѣдствіе произошло отъ постепеннаго ограниченія правъ городовъ на пріобрѣтеніе поземельной собственности. Это одна изъ интереснѣйшихъ сторонъ отчужденія городскаго сословія отъ общаго государственнаго союза. Весьма любопытно слѣдить шагъ за шагомъ, какъ устранялись города отъ права на поземельную собственность, посредствомъ которой могли бы пріобрѣсти вліяніе не только въ экономическомъ, но и въ политическомъ отношеніи. Въ изслѣдованіи г. Буданова этотъ интересный пунктъ вышелъ совершенно яснымъ и отчетливымъ. Не безъ основанія подмѣтилъ авторъ, что исключительное право землевладѣнія есть основная черта польскаго шляхетства, такъ что шляхетство и землевладѣніе считались понятіями нераздѣлимыми, почти тождественными.

Съ правомъ землевладѣнія, какъ извѣстно, соединялись всѣ остальныя политическія права. Землевладѣніе обязывало нести военную службу, которая сдѣлалась исключительнымъ преимуществомъ шляхетскаго сословія. Мѣщане, владѣвшіе земскими имуществами, не освобождались отъ военной повинности, они вмѣстѣ съ другими шляхтичами землевладѣльцами призывались въ народное (шляхетское) ополченіе, но не имѣя личныхъ правъ шляхтичей не охотно соглашались нести повинность, отъ которой для нихъ не было никакихъ выгодъ. Такъ какъ случалось нерѣдко, что мѣщане, пріобрѣтая земскія имущества, уклонялись отъ военной повинности, то законодательная власть прибѣгала къ мѣрамъ, чтобы устранить

мѣщанское сословіе отъ вмѣшательства въ земскіе шляхетскіе интересы. Авторомъ приводится извѣстная конституція 1496 г. короля Іоанна Альберта, въ которой изложены побужденія, руководившія законодательною властью при уничтоженіи права мѣщанъ на покупку земскихъ имуществъ, подлежащихъ земскому праву. Мѣщане лишаются права на покупку имѣній, говорится въ конституціи, потому что мѣщане не занимаютъ должныхъ мѣстъ между шляхтичами въ походахъ и войскахъ: они, владѣя такими имуществами, обыкновенно изыскиваютъ случаи уклоняться отъ военныхъ походовъ: сверхъ того, такъ какъ они сами не позволяютъ шляхтичамъ покупать домовъ и имуществъ, подлежащихъ земскому праву» то... и т. д. Оговорки, сдѣланныя авторомъ по поводу этого узаконенія, совершенно вѣрны и основательны: мы согласны съ тѣмъ, что упоминается объ исключеніяхъ и о возобновленіи упомянутой мѣры и въ послѣдующія столѣтія. Не ускользнула отъ вниманія г. Буданова разница, которая въ этомъ отношеніи встрѣчается въ городахъ великаго княжества Литовскаго, которые не лишались права на владѣніе поземельною собственностью, несмотря на попытки ограничить у нихъ или отнять это право. По крайней мѣрѣ относительно 1775 г. нельзя сомнѣваться о такой разницѣ, такъ какъ мѣщане великаго княжества Литовскаго получили полное право владѣть земскими имуществами, мѣщане же короны такого права не пріобрѣли.

Вслѣдъ за опредѣленіемъ отношеній городовъ къ законодательной власти и шляхетскому сословію, авторъ знакомитъ читателя съ учрежденіями муниципальнаго управленія и оцѣняетъ, на сколько самоуправленіе было настоящимъ и дѣйствительнымъ вознагражденіемъ городовъ за устраненіе ихъ отъ всѣхъ политическихъ правъ. Въ изложеніи формъ судебнаго и административнаго самоуправленія вездѣ довольно ясно проглядываетъ одна мысль, которую авторъ проводитъ послѣдовательно въ теченіе цѣлаго сочиненія, именно, что городовое устройство въ Польшѣ сопровождалось во всѣхъ своихъ проявленіяхъ самыми печальными послѣдствіями.

Впрочемъ мысль эта сказывается въ самомъ началѣ разсматриваемой нами главы. «Цѣною лишенія политическихъ правъ было куплено внутреннее самоуправленіе и самостоятельный судъ въ городахъ. Можетъ быть, намъ придется убѣдиться, что полученный результатъ не стоилъ такой жертвы, что дѣйствительно независимое и полное самоуправленіе невозможно безъ политическихъ

правъ, что каждый городъ, предоставленный самому себѣ, былъ беззащитенъ противъ насилій постороннихъ властей и что самое устройство муниципальнаго управленія далеко не можетъ считаться образцомъ самоуправленія» (148 стр.).

Авторомъ опредѣляется сперва отношеніе городовъ къ государственной власти, именно же къ старостинскому уряду, который, по извѣстной фразѣ, сдѣлался основною причиною упадка городовъ. Староста былъ поставленъ въ самое ближайшее отношеніе къ городу, онъ служилъ главнымъ посредникомъ въ тѣхъ пунктахъ, въ которыхъ города соприкасались съ государственнымъ организмомъ ибо они, какъ извѣстно, не выдѣлились изъ него совершенно.

Намъ нѣтъ никакого повода дѣлать возраженія, когда авторъ указываетъ на пункты соприкосновенія городовъ съ старостинскимъ урядомъ, такъ какъ все имъ сказанное почерпнуто изъ достовѣрныхъ источниковъ. Старосты смотрѣли не только за исправностью городскихъ укрѣпленій, которыхъ ремонтъ былъ повинностью городовъ, но они обыкновенно пріобрѣтали вліяніе на выборы городскихъ урядниковъ, такъ какъ изъ избраннаго городомъ числа кандидатовъ извѣстную часть назначали старосты отъ своего имени. Предъ ними магистраты должны были давать отчетъ въ своихъ доходахъ и расходахъ. Мало по малу присвоили себѣ старосты право высшаго суда въ городахъ, что сдѣлалось источникомъ многоразличныхъ столкновеній и злоупотребленій со стороны старостъ. Наконецъ то, что пріобрѣли старосты путемъ обычая, освящено закономъ 1768 г., который гласитъ слѣдующее: сохраняя въ цѣлости и неприкосновенности давнія узаконенія, касающіяся порядка и юрисдикціи, постановляемъ, чтобы мѣщане отвѣчали предъ своимъ магистратомъ, а потомъ какъ мѣщане, такъ и магистратъ in civilibus предъ старостою.

Старостинскій урядъ, въ томъ соглашаются всѣ писатели, сдѣлался въ послѣдніе годы существованія Польши опаснымъ врагомъ городскаго самоуправленія и содѣйствовалъ не мало совершенному разстройству и упадку городовъ. Самоуправленіе потерпѣло вслѣдствіе закона 1768 г. самый чувствительный ударъ.

Судебная власть въ предѣлахъ города составляетъ существенную основу муниципальной самостоятельности—въ ней заключается собственный кругъ дѣйствія городскаго самоуправленія. Войты были судьями по нѣмецкому праву, но войтовство первоначально заняло мѣсто какъ-бы независимое. Власть войтовская давалась извѣстному лицу въ наслѣдственное владѣніе такъ, что войты съ

согласія верховной власти могли ее передавать, завѣщевать и продавать другимъ лицамъ. Слѣдовательно городская община участвовала въ судопроизводствѣ только посредствомъ своихъ скабиновъ или лавниковъ, которыхъ она избирала въ войтовскій судъ въ родѣ присяжныхъ: города такимъ образомъ были устранены отъ непосредственнаго участія въ судопроизводствѣ. Легко предвидѣть, что община стала стремиться къ устраненію войта и къ пріобрѣтенію его судебной власти для того, чтобы вполнѣ пользоваться самоуправленіемъ. Такой ходъ развитія не ускользнулъ отъ прилежнаго вниманія г. Буданова, у котораго мы привыкли встрѣчать строгую систематичность и отчетливость изслѣдованія. Авторъ облегчаетъ себѣ задачу и уясняетъ читателю вопросъ, подмѣчая въ городовомъ развитіи три послѣдовательныя ступени именно: 1) при самомъ началѣ власть не принадлежала городской общинѣ; 2) потомъ, по присвоеніи городской общины власти войта, она управляется замкнутою радою; 3) власть рады ограничивается представительными общинными учрежденіями. Но такой историческій путь, прибавляетъ справедливо г. Будановъ, проходили не всѣ города вмѣстѣ, а каждый городъ отдѣльно: одинъ началъ его въ XIV вѣкѣ, другой въ XVIII. Не всѣ города могли успѣть пройдти всѣ указанныя ступени: большая часть ихъ дошла до второй, весьма многіе остались на первой и лишь главные и старѣйшіе города достигли третьей. Такимъ образомъ всѣ три формы общественнаго устройства существовали одновременно и три историческія ступени сдѣлались тремя родами общественнаго устройства городовъ.

Всѣ три статьи разсмотрѣны отдѣльно — все существенное сказано авторомъ. Разбирается войтовская власть, когда она дѣйствовала независимо отъ городской общины, вслѣдъ за тѣмъ обращено вниманіе на такъ называемую инкорпорацію войтовствъ, происходившую посредствомъ покупки. Авторъ перечисляетъ изъ Сборника Законовъ (Volumina legum) города, которые усвоили себѣ войтовство. Такая покупка началась въ городахъ очень рано. Авторъ приводитъ только одинъ городъ Львовъ съ 1388 г., но въ Метрикѣ Коронной мы встрѣтили множество другихъ примѣровъ усвоенія городомъ войтовства, восходящихъ къ XIV и XV столѣтіямъ (Олькушъ, Сандомиръ и др.), что̀ нисколько не мѣшаетъ правильности взгляда автора.

Въ виду основательности выводовъ по тремъ указаннымъ статьямъ мы не будемъ дѣлать возраженій — но должны обратить вниманіе автора на отсутствіе изслѣдованія по вопросу о высшихъ

спеціальныхъ судахъ по нѣмецкому праву. Названныя учрежденія тѣсно связаны съ городскимъ самоуправленіемъ, они составляютъ существенную часть учрежденій, выросшихъ на почвѣ нѣмецкаго порядка. Авторъ коснулся этого вопроса (140 стр.) впрочемъ только мимоходомъ — упомяная о высшемъ апеляціонномъ судѣ, установленномъ въ Краковѣ 1365 г. Казиміромъ Великимъ (Jus supremum Theutonicale provinciale arcis Cracoviensis) и о послѣдней инстанціи (королевскаго суда) по нѣмецкому праву, о такъ называемомъ Трибуналѣ шести городовъ (sex civitatum). Между тѣмъ не маловажную статью составляетъ вопросъ о другихъ апеляціонныхъ судахъ, образовавшихся въ разныхъ провинціяхъ; для каждой области были устроены отдѣльныя учрежденія. Власть провинціальнаго войта, которая, по предположенію автора, перешла къ старостамъ и дала начало старостинскому уряду, сохранилась въ названныхъ учрежденіяхъ — въ высшихъ провинціальныхъ судахъ. Провинціальные войты, имѣвшіе первоначально высшую судебную власть короля, мало по малу стали образовать постоянныя судилища, въ составъ которыхъ входили войты или главнаго провинціальнаго города или же другихъ городовъ той же области. Для удобства мѣщанъ, догадаться не трудно, установлялись такіе провинціальные суды. Объ нихъ упоминаютъ уже грамоты XIII столѣтія.

Доселѣ обыкновенно изслѣдователи называютъ суды въ Познани и Сандомирѣ (Бантке, 217 и слѣд.; Реппель, Verbreit. d. Magd. R. въ приложеніи), кромѣ суда въ Краковѣ, учрежденнаго Казиміромъ Великимъ въ 1365 г. Между тѣмъ есть указанія на то, что еще до Казиміра существовалъ въ Краковѣ высшій провинціальный судъ, устроенный по образцу судовъ въ Познани и Сандомирѣ. Слѣды такого суда мы имѣли случай отыскать въ частномъ собраніи грамотъ и документовъ сенатора Губе. Между прочимъ, самое любопытное — это судебное рѣшеніе, состоявшееся въ Краковѣ 1312 г., въ началѣ котораго мы читаемъ слѣдующее: Nos Czarnuszka Advocatus Provincialis Juris Supremi Theutonici Castri Cracoviensis per Serenissimum Principem et Dominum Wladislaum Dei gratia Regem Poloniae una cum Scabinis infrascriptis ad id specialiter deputati... и въ другомъ документѣ того же года (1312) in Judicio Supremo Castri Cracoviensis sigilli majoris, quo in judicio nostro utimur [1]). Не подлежитъ слѣдовательно сомнѣнію, что до

[1]) Кромѣ того еще одно указаніе, относящееся къ 1337 г. Coram nobis Johanne dicto Romanus Cive Cracoviensi in Jure theutonico Castri Cracoviensis et coram scabinis inferius scriptis....

учрежденія въ 1365 г. высшаго апеляціоннаго суда, такой судъ уже существовалъ въ Краковѣ. Указаніе интересное — поясняющее учрежденіе, основанное Казиміромъ, который очевидно только далъ уже образовавшемуся до него суду болѣе опредѣленный видъ.

Но и въ другихъ городахъ отдѣльныхъ провинцій, какъ уже замѣчено, изъ учрежденія провинціальнаго войта возникли постоянные провинціальные суды. На это намекаютъ слѣдующія свидѣтельства:

Въ Санокѣ 1406 г.

Nos Philippus Faber Advocatus Provincialis judicii curie Domini Regis in novo Sandecz nec non septem scabini ejusdem judicii....

1415 г. Nos Petrus Viceadvocatus.... (слѣдуютъ имена лавниковъ сосѣднихъ деревень).... scabini supremi juris Teutonici Meydeburgensis districtus Sanecensis [1]).

1512 г. Nos Jacobus Radvan Advocatus Juris Supremi Meideburgensis Castri Sanocensis una cum septem juratis.... (слѣдуютъ названія скабиновъ сосѣднихъ мѣстностей) [2]).

Въ Сборникѣ Гельцеля упоминается Люблинскій провинціальный судъ (jus supremum castri Lublinensis).

1441 г. Провинціальный судъ существовалъ въ Лаговскомъ округѣ, какъ объ этомъ свидѣтельствуетъ судебное рѣшеніе, находящееся въ Собраніи документовъ Мучковскаго [3]).

1441 г. Judicium Supremi Juris Lagoviensis districtus est celebratum.... Ego Nobilis Thomas advocatus Supremi Juris de Nyewskarzow.... septem advocati supremi Juris Lagoviensis districtus.

1567 г. Въ грамотѣ, данной Сигизмундомъ городу Домбровицы, опредѣляется мѣсто того высшаго суда, къ которому городъ долженъ обращаться. Si vero aliquando contigat eos aut aliquem eorum appellare in quibuscumque causis de jure ipsorum ad Jus Supremum in eo casu nos illis jus supremum in civitate nostra Lanciciensi designamus....

Приведенныя доказательства не позволяютъ сомнѣваться въ томъ, что провинціальные войты продолжали существовать въ провинціальныхъ судахъ и не могли такимъ образомъ власти своей передать старостамъ. Но мы имѣемъ еще въ виду, цитуя назван-

---

[1]) Документы въ собраніи Сенатора Губе.

[2]) Коронная Метрика кн. 28, стр. 78.

[3]) Cd. Pol. 2. II. стр. 490.

ныя свидѣтельства, показать автору, какъ образовались по образцу Кракова, Познани, Сандомира, Санока, Сандеча, Люблина, Лаговскаго округа и въ другихъ городахъ апеляціонные провинціальные суды — къ которымъ, по указаніямъ Кромера (168 стр.), еще слѣдуетъ причислить подобныя же учрежденія въ Варшавѣ, въ Плоцкѣ и проч. [1]). Во внутренней исторіи городовъ указанные суды составляютъ замѣчательную черту: въ нихъ сохранились памятники юридической жизни и слѣды развитія, достойные вниманія.

Утвердившееся въ Польшѣ муниципальное устройство переносилось цѣликомъ, со всѣми своими учрежденіями, въ города Юго-Западной Руси. Въ нихъ оно развивалось своеобразно при другихъ историческихъ условіяхъ, но съ незначительными видоизмѣненіями: главныя муниципальныя формы сохранили свой первоначальный характеръ, все городовое устройство сложилось окончательно къ началу XVIII вѣка.

Г. Будановъ разсмотрѣлъ города въ Юго-Западной Руси 1) съ полнымъ магдебургскимъ правомъ; 2) города съ неполнымъ магдебургскимъ правомъ; и 3) владѣльческіе города.

Авторъ коснулся вопроса не разъясненнаго доселѣ въ литературѣ и разработалъ его по источникамъ, которые доставили ему рукописныя книги Кіевскаго Центральнаго Архива. Нельзя не благодарить г. Буданова за то, что онъ такъ прилежно собралъ новый матеріалъ и сдѣлалъ его доступнымъ для другихъ изслѣдователей. Главное достоинство труда (въ послѣдней главѣ о городахъ Юго-Западной Руси) заключается именно въ новости подобраннаго матеріала, которымъ поясняется исторія тѣхъ готовыхъ муниципальныхъ формъ, которыя были занесены въ города Юго-Западной Руси. Мы этимъ не умаляемъ и другихъ достоинствъ изложенія, но желаемъ только намекнуть на то, что авторъ, преодолѣвъ въ первой части своего сочиненія всѣ трудности, шелъ во второй по проложенному уже пути. И такъ — Каменецъ-Подольскій, принадлежащій къ первому разряду названныхъ городовъ — облегчилъ автору задачу — представить внутреннее его устройство, такъ какъ Каменецъ-Подольскій принялъ готовыя уже формы муниципальнаго управленія, сложившіяся во Львовѣ и которыя такъ подробно и систематично изложилъ Зубржицкій [2]). Въ нѣмецкомъ городо-

---

[1]) Въ Львовѣ учрежденъ былъ подобный войтовскій судъ, о которомъ впрочемъ упоминаетъ самъ авторъ (179 стр.).

[2]) Kronika miasta Lwowa 1844.

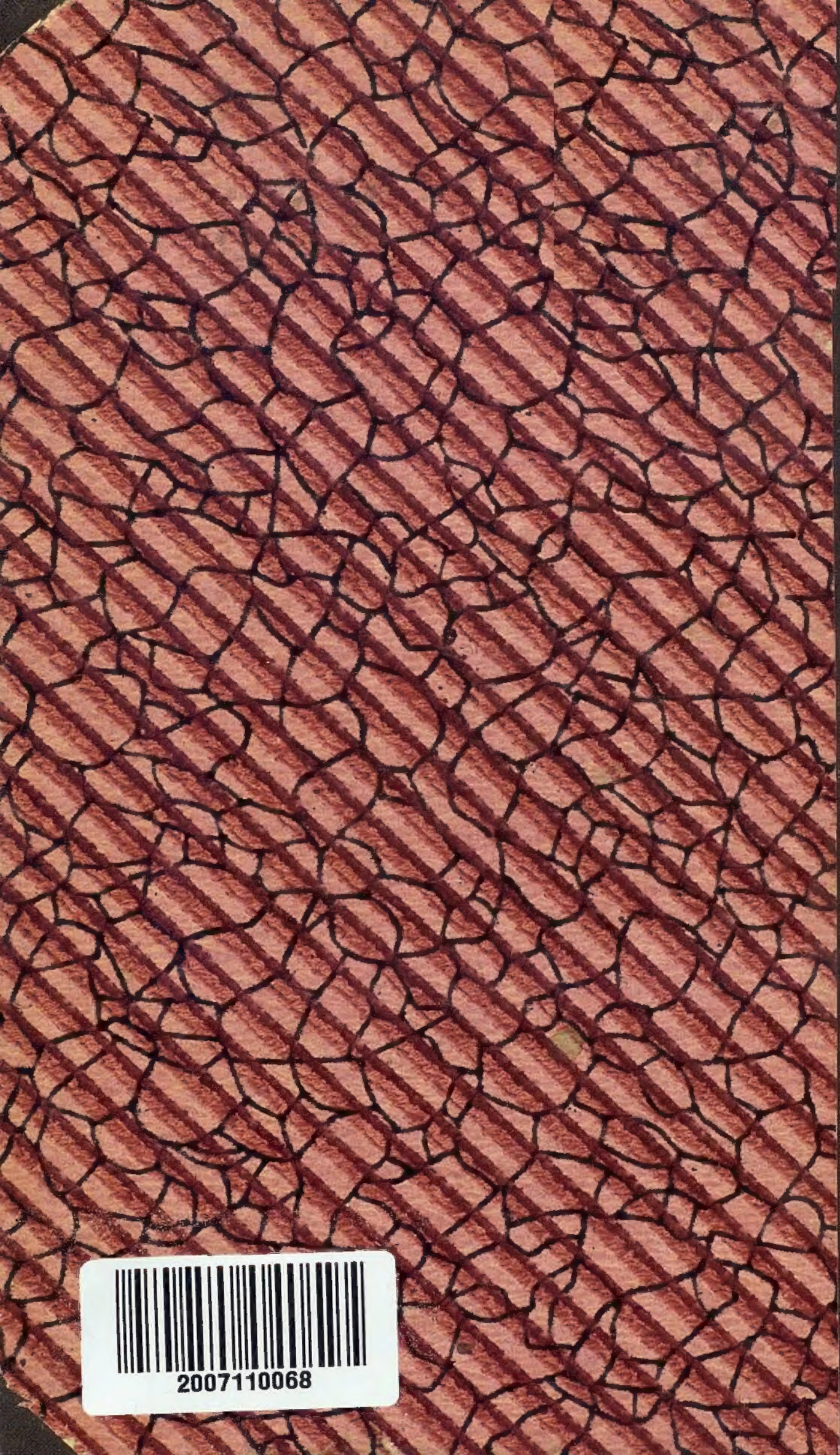
вомъ правѣ встрѣчается такое же явленіе, которое мы замѣчаемъ и въ исторіи греческой колонизаціи, а именно: образцовые города (Mutterstädte) и колоніи, которыя устроивались по образцу главныхъ старѣйшихъ городскихъ общинъ. Къ такимъ образцовымъ городамъ принадлежалъ Львовъ, отъ котораго Каменецъ заимствовалъ формы своего управленія и къ которому онъ обращался за рѣшеніемъ во многихъ сомнительныхъ судебныхъ дѣлахъ. И такъ, когда Каменецъ-Подольскій во время турецкаго господства въ исходѣ XVII столѣтія лишился всѣхъ своихъ документовъ, то король Августъ II 1703 г. подтвердилъ вновь Каменцу муниципальное устройство по образцу Львовскаго. Руководясь указаніями Зубржицкаго, г. Будановъ даетъ на основаніи Каменецкихъ актовъ подробное изложеніе всѣхъ муниципальныхъ учрежденій — судебныхъ и административныхъ, и поясняетъ ихъ длинными выдержками историческаго или юридическаго содержанія. Кромѣ того здѣсь приводятся формулы присяги отдѣльныхъ должностныхъ лицъ или документы, относящіеся къ внутренней исторіи. Частыя столкновенія, происходившія между юрисдикціями польскою, русскою и армянскою, поясняются извлеченіями изъ рукописныхъ актовъ Кіевскаго Центральнаго Архива (протестаціи, жалобы и проч.). Такъ какъ описаніе по всѣмъ тремъ разрядамъ указанныхъ выше городовъ муниципальнаго устройства, магистрата (рады), скабината, войтовства, квадрагинтовирата (сорока мужей), а также ихъ круга дѣйствій, занятій и обязанностей дѣлается на основаніи подлинныхъ документовъ, то мы не имѣемъ никакого повода дѣлать какія либо возраженія, не допускаемыя самымъ свойствомъ оффиціальнаго матеріала. Что же касается выдержекъ историческаго содержанія, поясняющихъ внутреннюю жизнь Каменца и другихъ городовъ, то за недоступностью матеріала мы не въ состояніи повѣрять ихъ — что было бы впрочемъ излишнимъ, такъ какъ вездѣ соблюдены требованія строгой систематичности и сдѣланы указанія, откуда почерпнуты свѣдѣнія.

Но сущность дѣла заключается не въ обработкѣ матеріала только въ выводахъ, сдѣланныхъ авторомъ на основаніи приведеннаго матеріала. Какія ни существовали формы муниципальнаго устройства городовъ въ Юго-Западной Руси, онѣ всѣ, по мнѣнію г. Буданова, не обезпечивали самоуправленія и мы согласны съ такимъ выводомъ, но сомнѣваемся въ томъ, было ли самоуправленіе по магдебургскому праву единственной и основной причиною упадка городовъ; намъ кажется, что государственныя формы, какія бы онѣ

ни были, не спасаютъ общества, разлагающагося отъ нравственной порчи.

Мы сводимъ наши замѣчанія къ общему итогу. Въ первой части авторъ, не воспользовавшись всѣми извѣстными до сихъ поръ матеріалами, пришелъ къ заключеніямъ, которыя мы должны были видоизмѣнить на основаніи историческихъ данныхъ,—именно объ ослабленіи княжеской власти и уменьшеніи ея финансовыхъ средствъ вслѣдствіе введенія нѣмецкаго права. Мы исправили происшедшее отъ такой же неполноты употребленныхъ источниковъ ошибочное мнѣніе автора касательно возникновенія старостинской власти, ибо оно не подтверждается историческими свидѣтельствами. Кромѣ того, мы еще указали на отсутствіе нѣкоторыхъ второстепенныхъ вопросовъ, ускользнувшихъ отъ вниманія ученаго изслѣдователя. Принявъ однакожъ во вниманіе упомянутое въ предисловіи нашей рецензіи обстоятельство, что каждый трудъ на невоздѣланной почвѣ встрѣчаетъ огромныя трудности, мы легко оправдаемъ присутствіе нѣкоторыхъ неправильныхъ взглядовъ и заключеній.

Впрочемъ цѣлое сочиненіе отличается трудолюбивымъ изученіемъ разбросанныхъ источниковъ: въ послѣдней части выводится на свѣтъ до сихъ поръ неизвѣстный рукописный матеріалъ. Вездѣ можно видѣть въ трудѣ г. Буданова строгую систематичность, вѣрное толкованіе источниковъ, огромную начитанность, самостоятельность критики, во всемъ сочиненіи замѣчается способность дѣлать общіе выводы. Такъ какъ, однимъ словомъ, трудъ г. Буданова должно считать замѣчательнымъ вкладомъ въ литературу по вопросу о нѣмецкомъ правѣ въ Польшѣ и Литвѣ, могущимъ послужить исходною точкою дальнѣйшимъ въ этомъ направленіи розысканіямъ, то мы считаемъ нашимъ долгомъ рекомендовать Императорской Академіи Наукъ сочиненіе г. Владимірскаго-Буданова, какъ заслуживающее полной Уваровской преміи.



20007110068